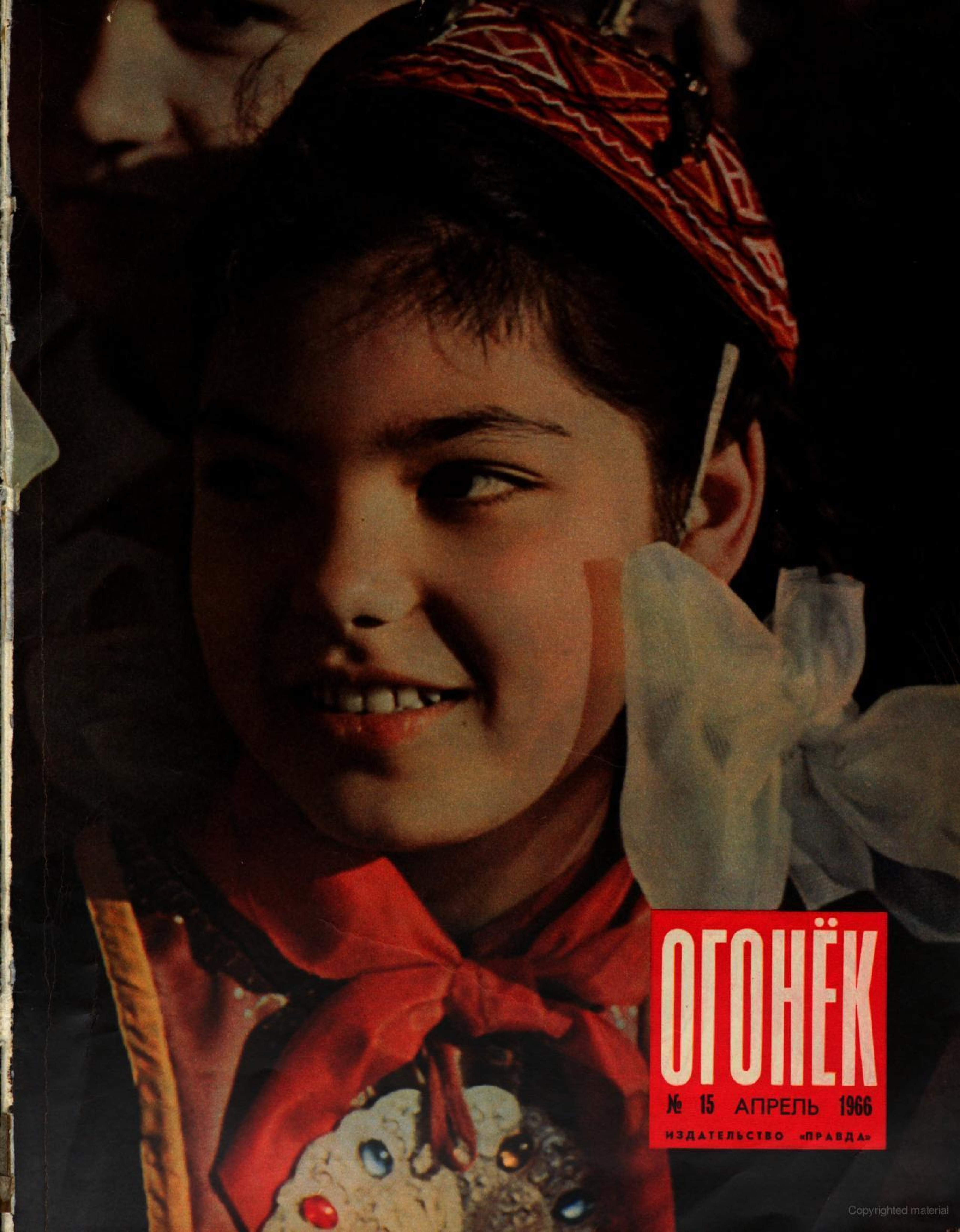

ОГОНЁК
№ 15 АПРЕЛЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Copyrighted material

ЛУННЫЙ «ИНТЕРНАЦИОНАЛ»

«Интернационала»
родные звуки,
преодолев
необъятную высь,
рожденные в прошлом
надеждой и мукой,
ныне
от самой Луны
донеслись.
Они разливаются
жемчугом звездным
на бархате
космоса
бесконечном...
Услышать их
никогда не поздно!
Вселенная
будет их слушать
вечно!
А гимну
из космоса
съезд аплодирует,
и рдеют улыбки
в красном Кремле.
Все правильно:
коммунисты лидируют.
Лунный
«Интернационал»
звучит на Земле.

Алексей КОЗЛОВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 15 (2024)

10 АПРЕЛЯ 1966

ЛЕНИНСКИМ КУРСОМ!

XXIII СЪЕЗД КПСС ВНОВЬ ПРОДЕМОНСТРИРОВАЛ МОНОЛИТНОЕ ЕДИНСТВО ПАРТИИ ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Весь советский народ, миллионы наших зарубежных братьев по революционной борьбе, вся мировая общественность внимательно следили за работой XXIII съезда КПСС. 8 апреля состоялось заключительное заседание съезда, который займет достойное место в истории нашей партии и страны.

Съезд заслушал и обсудил Отчетный доклад Первого секретаря ЦК КПСС товарища Брежнева Л. И. о работе Центрального Комитета КПСС. Съезд постановил целиком и полностью одобрить политическую линию и практическую деятельность Центрального Комитета КПСС; одобрить предложения и выводы, содержащиеся в Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС.

Съезд заслушал и утвердил Отчет Центральной Ревизионной Комиссии КПСС.

Делегаты съезда заслушали и обсудили доклад Председателя Совета Министров СССР товарища Косыгина А. Н.— Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 гг.

Съезд выбрал центральные органы партии.

На заключительном заседании съезда были единогласно приняты Резолюция XXIII съезда КПСС по Отчетному докладу Центрального Комитета КПСС, Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 гг., Постановление XXIII съезда КПСС о частичных изменениях в Уставе КПСС.

Делегаты единодушно приняли «Заявление XXIII съезда КПСС по поводу агрессии США во Вьетнаме», которое огласил М. А. Суслов.

Товарищ Л. И. Брежнев сообщил о том, что состоявшийся Пленум Центрального Комитета КПСС избрал руководящие органы партии. Избраны Генеральный секретарь ЦК, Политбюро ЦК, Секретариат ЦК, утвержден Председатель Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС. Он сообщает также, что Центральная Ревизионная Комиссия на своем заседании избрала Председателя Комиссии.

Товарищ Л. И. Брежнев произносит заключительную речь. Бурными аплодисментами встречают делегаты его слова: «Мы, коммунисты, верные наследники и продолжатели дела Ленина, всегда будем хранить его заветы, боевые традиции нашей партии и рабочего класса, всего международного коммунистического движения.

Мобилизуя все свои силы и энергию, мы уверенно пойдем вперед, к новым победам нашего великого коммунистического дела.

Заканчивая работу съезда, мы твердо можем сказать, что партия, объединив усилия всего советского народа, успешно решит величественные задачи, поставленные XXIII съездом».

Товарищ Л. И. Брежнев объявляет XXIII съезд КПСС закрытым. Под сводами Кремлевского Дворца съездов победно звучит партийный гимн «Интернационал».

ПОЛИТБЮРО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС

А. Я. ПЕЛЬШЕ.
Член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС.

Н. В. ПОДГОРНЫЙ.
Член Политбюро ЦК КПСС.

П. Н. ДЕМИЧЕВ.
Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС.

Д. А. КУНАЕВ.
Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

Ю. В. АНДРОПОВ.
Секретарь ЦК КПСС.

И. В. КАПИТОНОВ.
Секретарь ЦК КПСС.

Л. И. БРЕЖНЕВ.
Член Политбюро ЦК КПСС,
Генеральный секретарь
ЦК КПСС.

Г. И. ВОРОНОВ.
Член Политбюро ЦК КПСС.

А. П. КИРИЛЕНКО.
Член Политбюро ЦК КПСС,
секретарь ЦК КПСС.

А. Н. КОСЫГИН.
Член Политбюро ЦК КПСС.

К. Т. МАЗУРОВ.
Член Политбюро ЦК КПСС.

Д. С. ПОЛЯНСКИЙ.
Член Политбюро ЦК КПСС.

М. А. СУСЛОВ.
Член Политбюро ЦК КПСС,
секретарь ЦК КПСС.

А. Н. ШЕЛЕПИН.
Член Политбюро ЦК КПСС,
секретарь ЦК КПСС.

П. Е. ШЕЛЕСТ.
Член Политбюро ЦК КПСС.

В. В. ГРИШИН.
Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

П. М. МАШЕРОВ.
Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

В. П. МЖАВАНАДЗЕ.
Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

Ш. Р. РАШИДОВ.
Кандидат в члены
Политбюро ЦК КПСС.

Д. Ф. УСТИНОВ.
Кандидат в члены
Политбюро ЦК КПСС,
секретарь ЦК КПСС.

В. В. ЩЕРБИЦКИЙ.
Кандидат в члены
Политбюро ЦК КПСС.

Ф. Д. КУЛАКОВ.
Секретарь ЦК КПСС.

Б. Н. ПОНОМАРЕВ.
Секретарь ЦК КПСС.

А. П. РУДАКОВ.
Секретарь ЦК КПСС.

Г. Ф. СИЗОВ.
Председатель Центральной
Ревизионной Комиссии
КПСС.

Фоторепортаж с XXIII съезда КПСС ведут наши специальные корреспонденты Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ и А. ГОСТЕВ.

МОСКВА. КРЕМЛЬ. XXIII СЪЕЗД

Воины Советской Армии и Военно-Морского Флота приветствуют XXIII съезд КПСС.

С докладом – Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы выступил Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, горячо встреченный делегатами и гостями съезда.

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

МОСКВА. КРЕМЛЬ. XXIII СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Члены делегации Польской объединенной рабочей партии Юзеф Циранкевич и Владислав Гомулка в кулуарах съезда.

Делегаты съезда Н. А. Муравьева и доярка совхоза «Звенигородский» Московской области Л. А. Сысоева.

Пионеры приветствуют съезд.

Делегаты Псковской и Новгородской областных партийных организаций.

Глава делегации Трудовой партии Кореи Цой Ен Ген.

Делегаты съезда Е. Поповкин, Мирзо Турсун-заде, К. Яшен, Мирза Ибрагимов, М. Аникушин.

Писатели Александр Корнейчук и Петрусь Бровка; в центре — Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда председатель колхоза К. П. Орловский.

Председатель Сибирского отделения Академии наук СССР академик М. А. Лаврентьев и председатель Президиума Восточно-Сибирского филиала М. М. Одинцов.

СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Делегаты поздравляют главу делегации Партии трудящихся Вьетнама Ле Зуана после вручения вьетнамским друзьям красного вымпела от трудящихся города-героя Ленинграда.

Заметки делегата XXIII съезда КПСС

Михаил АЛЕКСЕЕВ

ЯСНОСТЬ, ЕДИНОДУШИЕ

Думается, что эти два слова с наибольшей точностью характеризуют атмосферу, в которой проходила работа съезда и были приняты его исторические решения.

Иногда незначительная на первый взгляд деталь способна сказать уму нашему и сердцу очень многое. Видимо, не одним мною замечено было, с каким уважением выслушивался каждый, кто брал слово на этом съезде коммунистов. Никто из них ни разу не был остановлен сердитой репликой, каковая еще в совсем недавние времена была хозяйкой на некоторых больших и малых собраниях,— та самая реплика, что смешивала мысли не только малоопытного, но порой и достаточно искушенного оратора.

Ничего подобного не было в эти дни в Кремлевском Дворце съездов. Все делегаты были равны перед партией, перед страной, перед народом в решении вопросов огромной политической и государственной важности: красный мандат с образом Ильича давал делегату съезда великие права и определял меру не менее великой ответственности. Речи выступающих оценивались не по количеству восклицательных знаков, не по эффектным жестам, а по глубине и ценности заключенных в этих речах мыслей.

Исполненный глубочайшего содержания Отчетный доклад ЦК КПСС был прочитан Л. И. Брежневым очень спокойным, ровным голосом, тем не менее докладчика то и дело прерывали бурными аплодисментами: каждый слышал то, что волновало всех, то, что важно для всей страны, для всего народа, для всей партии, для коммунистов всех стран, для судеб всего мира.

В докладе А. Н. Косыгина, естественно, называлось немало цифр. Но бывает, что и цифры поют. Так случилось и на этот раз. Одобрительно, с живейшим интересом встречалась каждая цифра, ибо за ней— самоотверженный, героический труд миллионов людей, устремленных в коммунистическое завтра.

Каким оно будет,это завтра, каким он будет, восьмой по счету пятилетний план? Делегаты обсуждали его деловито, требовательно, с реалистических позиций. И главная мысль, пронизывавшая речи ораторов, могла быть сформулирована одним словом: уверенность. Пятилетку мы успешно выполним — она уже на старте, в первые же месяцы своего бытия новая пятилетка стала кровным делом народа.

Партия и народ, общество и гражданин, интересы каждого советского человека и интересы всего государства — они единое целое, монолитное, и нет такой силы, которая смогла бы разъединить их. Об этом говорили многие ораторы.

Когда Маршал Р. Я. Малиновский, как бы между прочим, как о само собой разумеющемся, сообщил, что в канун съезда советские атомоходы завершили кругосветное подводное плавание, ни разу не всплыв на поверхность океана, своды огромного зала потряс взрыв аплодисментов, ибо всякий понимал, что сие означает. Такой же взрыв рукоплесканий последовал и в том месте речи М. А. Шолохова (хотя, казалось бы, и не было там ничего «взрывчатого»), где оратор вспоминал о своем выступлении в Стокгольме, во время нобелевских торжеств прошлого года. «Аудитория там значительно отличалась от сегодняшней,— сказал он, и зал оживился.— И форма изложения моих мыслей была соответственно несколько иной. Форма! Не содержание»,— добавил оратор и потом долго не мог продолжать речь, потому что зал отозвался на последние два его слова неистовым рукоплесканием: все увидели за короткой фразой большой политический смысл, мгновенно угаданный делегатами, угаданный еще до того, как были произнесены последующие слова: «Где бы, на каком бы языке ни выступали коммунисты, мы говорим как коммунисты».

В послевоенные годы мне часто приходилось бывать в родном селе, на Саратовщине. Встречаешься с односельчанами, говоришь с ними и о том и о другом и радуешься, когда сможешь сообщить им добрую весть. Но скучновато бывает, когда перед тобой поставят вопрос, на который ты и рад бы ответить, но не знаешь как. Что я мог сказать пожилой доярке (пожилой даже не по числу прожитых лет, а по тем тяжестям, какие положила судьба на ее плечи в годы войны и в первые послевоенные лета), что я мог сказать ей на ее недоуменный, горький вопрос: «Почему сельская жительница или житель, то есть колхозница или колхозник, должны проработать на целых пять лет больше для того, чтобы выйти на пенсию?» Да вовсе и не выйти — крестьянин не оторвет рук от земли до конца дней своих! — а просто чтоб он имел законные права на пенсию. Теперь признаюсь: отвечал я в том духе, что такое неравенство будет упразднено. И полагал, что случится это в недалеком будущем. Не скрою: вздох облегчения вырвался из души, когда я услышал в Отчетном докладе слова о пенсиях колхозникам. Партия подумала и о том, чтобы труд земледельца был гарантированно оплачиваем, чтобы заработок его был не ниже того, что получает в среднем рабочий совхоза,— и это место в докладе было встречено с необычайным энтузиазмом.

Когда на сердце хорошо, когда перед взором открываются добрые, заманчивые дали, и не поэт становится поэтом. Я поймал себя на этой мысли в тот момент, когда выступала ивановская ткачиха З. П. Пухова. Перефразировав поистине поэтические слова С. М. Кирова о Ленинграде, вот что сказала она о своем городе: «За годы Советской власти Иваново неузнаваемо изменилось. У нас часто можно слышать, что в городе остались неизменными только славные революционные традиции иваново-вознесенских рабочих. Все остальное стало новым!»

А кто-то из ораторов сказал, что стены Дворца съездов надобно мысленно раздвинуть до пределов, определяющих границы нашего обширного Отечества: в работе съезда принимают участие не одни его делегаты, а вся страна.

Еще одна деталь. Мое место в зале оказалось в ряду, где сидели делегаты из Псковской области. Я пришел на первое заседание несколькими минутами раньше их, и потом оказалось, что сижу рядом с первым секретарем областного комитета партии Иваном Степановичем Густовым и председателем облисполкома Борисом Александровичем Осипчиком, по правую руку которого был секретарь обкома Николай Савельевич Черепахин. В течение дня они получали от псковитян множество разных посланий: по телеграфу, по телефону междугородному. Там были и поздравления по случаю получения высоких наград псковскими знаменитыми доярками Марией Ильиничной Кривенышевой и Зинаидой Михайловной Ивановой, были и сводки о делах хозяйственных, а больше всего, пожалуй, различного рода советов, напутствий и поручений своим делегатам. Так что соседи мои, то радостно оживляясь, то озабоченно хмурясь, все время наклонялись друг к другу, шептались о чем-то, тут же коллективно что-то решали, видать, очень важное для тех, кто был далеко от Москвы, там, на Псковщине. Иногда здесь же, в зале, сочиняли ответные телеграммы, а в перерывы мчались сломя голову к телефону. А в субботу, к концу заседания, Борис Александрович, довольно потирая руки, доверительно сообщил мне, что воспользовался опытом Михаила Александровича Шолохова, походил тоже по кулуарам и «ястребиным взглядом» выискал кого нужно, перехватил где-то министра сельского хозяйства товарища Мацкевича и что-то выхлопотал для своей родной области.

Должен сказать, что улыбка была частой гостьей во Дворце съездов. Сильные, уверенные в праведности и огромной значимости дел своих, объединенные единой волей и единой целью, люди могли «разрешить себе улыбнуться», и улыбка эта не мешала им по-серьезному решать серьезные вопросы.

...Бессмертная мелодия «Интернационала», не требуя виз и не нуждаясь в визах, давно уже путешествует по всем континентам нашей планеты. А ныне она зазвучала во Вселенной. И представляется в высшей степени символичным, что вознесена эта мелодия к звездам разумом и волей советских людей, связавших свою судьбу с великой судьбой партии, для которой слова и мелодия «Интернационала» стали гимном. «Луна-10» вышла к цели в дни работы XXIII съезда КПСС. Из глубин космоса в Кремлевский Дворец съездов донесся ее голос, выслушанный делегатами в благоговейном молчании. Молчание сменилось овацией: люди не могли больше сдержать своих чувств. Они половодьем исторгнулись из самых сердец, преисполненных гордости за страну, за народ, за партию, поднявшую этот народ на такую высоту.

Итак, ясность, единодушие царствовали на съезде. Ясность, единодушие будут спутниками советских людей на пути к цели, которая единственно достойна человека,— к коммунизму.

А. Пластов. РОДНИК

«Огонек» 1966.

А. Пластов. УЖИН ТРАКТОРИСТОВ

Ник. КРУЖКОВ

ПРАВДА ЖИЗНИ

Хотя между живописью и фотографией родство не только весьма отдаленное, но и вообще сомнительное, позволю себе начать с примера, взятого из фотожурналистики. Один популярный фотомастер, желая «подправить» натуру, повязывал шею своего объекта модным пестрым шарфом, который носил сам. Получалось «колоритное пятно», которое очень нравилось фотомастеру. Против этого не возражала и натура — модно!— и тем более заказчик — заведующий фотоотделом редакции: красивый дорогой шарф — признак народного достатка. И все шло благополучно до тех пор, пока один и тот же шарф не оказался на шахтере из Воркуты, на трактористе из-под Орла и на мальчишке из сибирской сельской школы. Нехитрый прием был раскрыт, а его автор достойно посрамлен.

Есть художники, которые любят причесывать жизнь, стирать острые углы, приукрашивать виденное. Ведь можно и заплату на крестьянском полушубке нарисовать так, что она будет выглядеть декоративным украшением.

Таким художникам более подходит парикмахерская расческа и портновский утюг, чем животворная кисть. Аркадий Александрович Пластов вырубает глыбу и кладет ее перед вами: смотрите, размышляйте, вот какая она штука — жизнь! И вы начинаете ощущать волнение, которое трудно унять, не потому только, что узнаете подлинность натуры, а потому, что глыба вырублена с искусством ваятеля, предлагающего вам не оболочку темы, а ее глубину и суть. Когда-то в молодости, еще обучаясь в Строгановском училище, молодой Пластов увлекался ваянием и скульптурой. Живопись была у него как бы на втором плане. Лишь с течением времени она заняла ведущее место в его творчестве. Но острый взгляд скульптора, умеющего в малой, ничтожной, казалось бы, детали показать главное, остался навсегда присущим Пластову-живописцу.

В картине «Сенокос» бабочка-крапивница, садящаяся на цветок, который вот-вот падет ниц под ударом косы, приобретает характер символа. Прощание с жизнью видишь в нем и видишь вместе с тем торжество жизни, ибо знаешь: придет время — и снова загорится здесь зеленое буйство трав.

Аркадию Александровичу семьдесят три года. Большую часть из них он прожил в селе Прислонихе, бывшей Симбирской губернии, и естественно, что крестьянский быт и труд стали основным содержанием его картин. Он и пахал, и косил, и ходил в ночное, и все увиденное, услышанное, замеченное, наблюденное легло в его сознание, в мир чувствований и ощущений плотно и навсегда.

Каждая книжка писателя в какой-то степени его биография, как и каждая картина художника. И если когда-нибудь историк будущего станет изучать наше время, и в частности историю советской деревни и советского крестьянства, он не обойдется без картин Пластова. Они дадут ему для познания правды не меньше, чем сотня толстых книг, если только он будет внимательным и зорким.

Есть у А. Пластова картина «Фашист пролетел», написанная в 1942 году...

У края березняка паслось стадо, не тучное стадо мирных лет, а так, сборное: тут и козы, и овцы, и телята — стадо трудного военного года, последний достаток деревни. Мальчишка-пастушонок пас его (пастух-то наверняка в это время где-нибудь воевал на фронте), и собачонка вертелась возле ног — верный друг и помощник. Но пролетел с недальнего фронта вражеский летчик на «мессере» или «фокке-вульфе» и так, между прочим, для баловства, дал пулеметную очередь по деревенскому стаду. Лежит убитый мальчик-подросток, воет раненый пес, уцелевший скот смотрит с недоумением на все происшедшее, желтые листья упали с берез, а самолет еще виден — вот он, на краю неба! Картина эта вполне военная, хотя нет на ней ни пушек, ни танков, ни окопов, ни развевающихся знамен. Она зовет на смертный и беспощадный бой с лютым и беспощадным врагом, она воскрешает в памяти годину великой войны. Но она напоминает нам и о том времени, когда отцы и братья этого пастушонка свернули шею фашистскому зверю. Целая книга о народном подвиге вошла в эту картину. И потому она волнует, будоражит, заставляет возвращаться к ней вновь и вновь.

Такая емкость мысли, такая глубина содержания присуща Пластову. Видишь малую часть жизни, а где-то за картиной и рядом с ней возникают огромные, необъятные перспективы.

Картины Пластова написаны словно в одном порыве; зримо представляешь, что за кисть эту взялась рука крестьянина, привыкшего и пахать и топор держать. Казалось бы, ничего не стоит пригладить, «довести» картину до некоей кондиции при содействии извечных и всем известных академических приемов. Но художника не устраивает эта «кондиция», она противопоказана его природе, она охладит его вдохновение, она испортит картину, лишит ее внутреннего огня. Пластов никогда ничего не приукрашивает. Он никогда не набрасывает, образно выражаясь, декоративный шарф на избранную им натуру. И в этом тонкий и верный расчет истинного художника-поэта, умеющего видеть высокую и благородную красоту в простом и обыденном.

Аркадий Александрович Пластов написал картину «Ужин трактористов». Сюжет прост, ничем не примечателен. Широко легла бурыми пластами вспаханная земля, низкое пламенное закатное солнце того и гляди упадет за горизонт, синие тени уже разлеглись по оврагам, работяга-трактор чуть подымливает рядом — человек наработался, устал, хочет есть. Вот и вся картина! Но в ней сотни поэтических строк, в ней гимн человеческому труду и самому человеку, хозяину земли и кормильцу. Что бы ни писал Пластов, у него всегда природа слита с человеком труда, она служит ему, и человек служит ей, их не отделить друг от друга. Ослепительно солнце на картине «Деревенский март». Подтаявший снег звонок и ломок, земля уже проступила кое-где из-под снега, и мальчишка завороженно уставился в небо: в нем запел первый жаворонок. Весна! Но эта весна крестьянская, весна труда. Солнце пригрело землю, надо думать о севе. Обыкновенность, извечность человеческих забот, но в них-то и поэзия и вдохновение! Родник на картине Пластова зарос буйной зеленью, его серебряные струи чисты и прохладны, и девчонка, пришедшая за водой, такая же светлая и ясная, как все вокруг: как полевой цвет, как синь неба, как облако, расплавленное солнцем.

Картины Пластова напоены всеми соками жизни. Люди у Пластова полны достоинства. Его картины менее всего пасторали, изображающие беззаботных аркадских пастушков и пастушек. Его герои — люди труда, в которых суровость и строгость соединились с сознанием своей силы. Они, эти крестьяне, прошли сквозь огонь революции. Победили своих врагов. Их труд приобрел высокий смысл и значение. Это не жалкие, нищие «мужички», вызывавшие у либеральных бар умиление своей покорностью. Они показали всем барам на свете, что такое народная сила.

И как же хорош этот народ — герой пластовских полотен!

На картине «Весна» молодая женщина, только что выскочившая из горячей бани, наскоро одевает свою крошечную дочку. Мать пышет здоровьем, тело ее крепко и сильно, рыжие волосы раскинулись по плечам, как солнечный огонь. Она, может быть, и не так уж красива, эта деревенская мать, но мы уже заметили с вами, что Пластов не поклонник установленных издавна эталонов красоты. От эталонов он уходит к обыкновенности и видит именно в ней несказанную прелесть.

А весна на картине отнюдь не «эталонная»: перепадает снежок, и за щелявым забором видны скудные весенние проталины.

Может быть, кто-нибудь и поморщится от этой картины. У нас немало развелось унылых постников, которые воротят нос от обнаженного тела, как черт от ладана; оно навевает на них грешные мысли. Впрочем, это больше зависит от настроя ума, чем от художника. Нагота женщины на полотне Пластова— это и чистота и целомудрие.

Аркадий Пластов в любой своей картине предстает перед нами певцом своей Родины. Он любит, знает Россию и чувствует ее каждой своей кровинкой, он непосредственно и горячо передает нам, его благодарным зрителям, свое глубокое постижение души Отчизны. Особенно он любит землю, какая заселена бодрым и деятельным крестьянским людом, строящим свою новую жизнь на колхозных просторах, где хозяин не богатей, не мироед, не кулак, а честный труженик, достойный уважения. От полотен Пластова пахнет избяным дымком и ржаным хлебом. Запах этот бодрящ, вкусен, веселит душу.

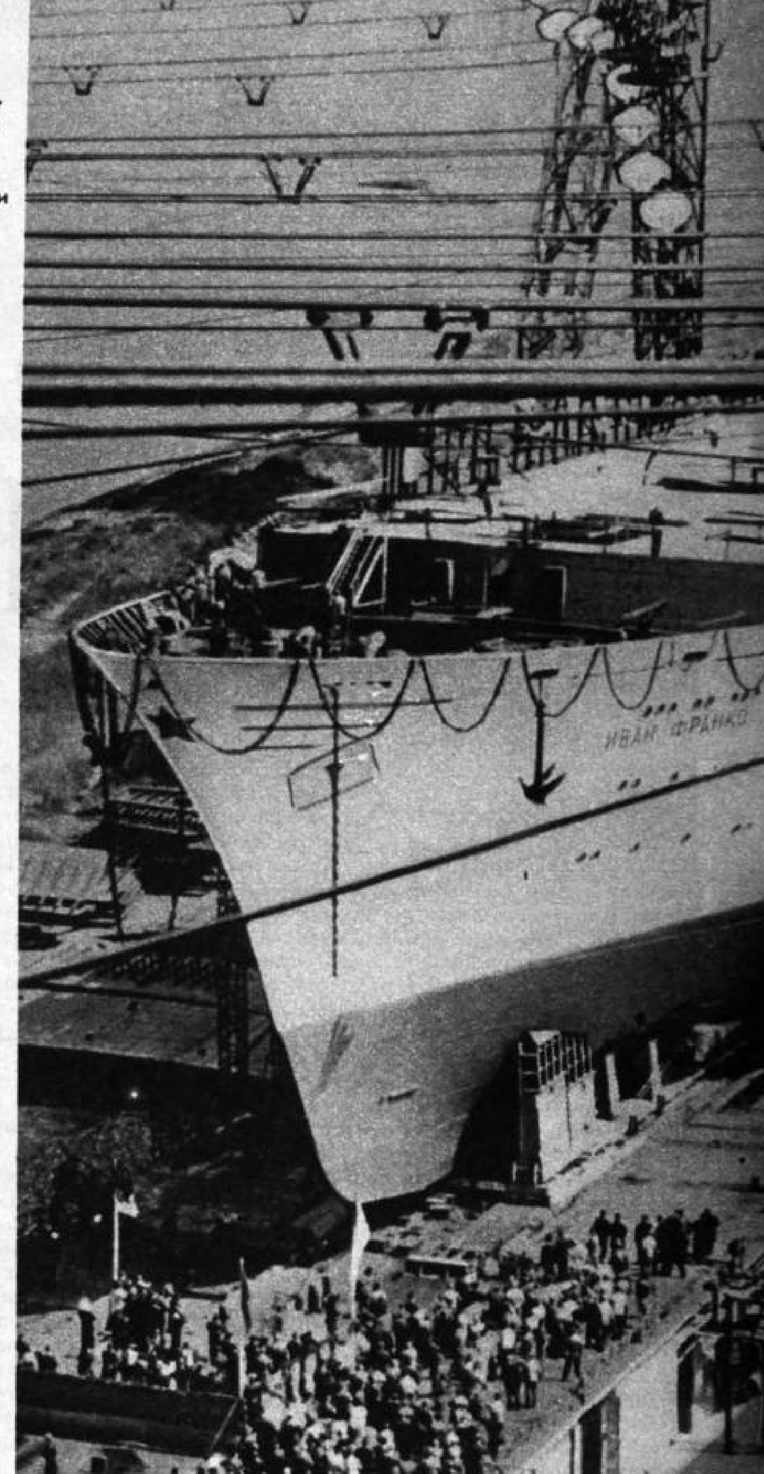
Посмотришь картины Аркадия Александровича Пластова — и както радостно и тепло становится на сердце. И еще больше любишь свою бескрайнюю землю, просторное наше небо, могучий и добрый русский народ.

Специальный корреспондент «Огонька» Л. СТЕПАНОВ

Фото автора, Центральбильд и Маргит Виллеб.

по весенним дорогам...

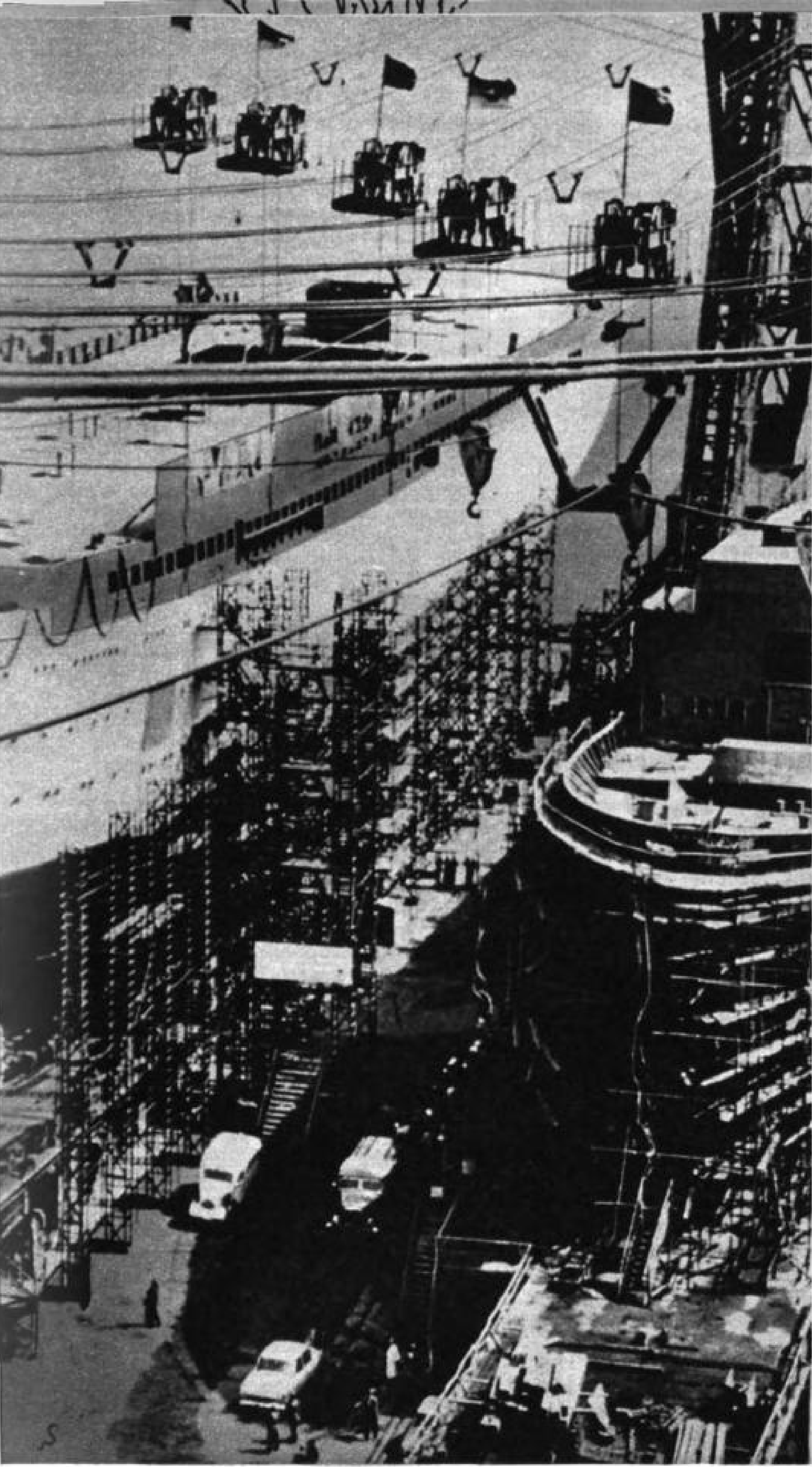
Берлин. Весна на проспекте Карла Маркса.

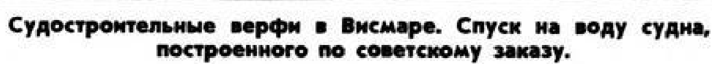

ФОТОПУТЕШЕСТВИЕ К ДРУЗЬЯМ — ГДР

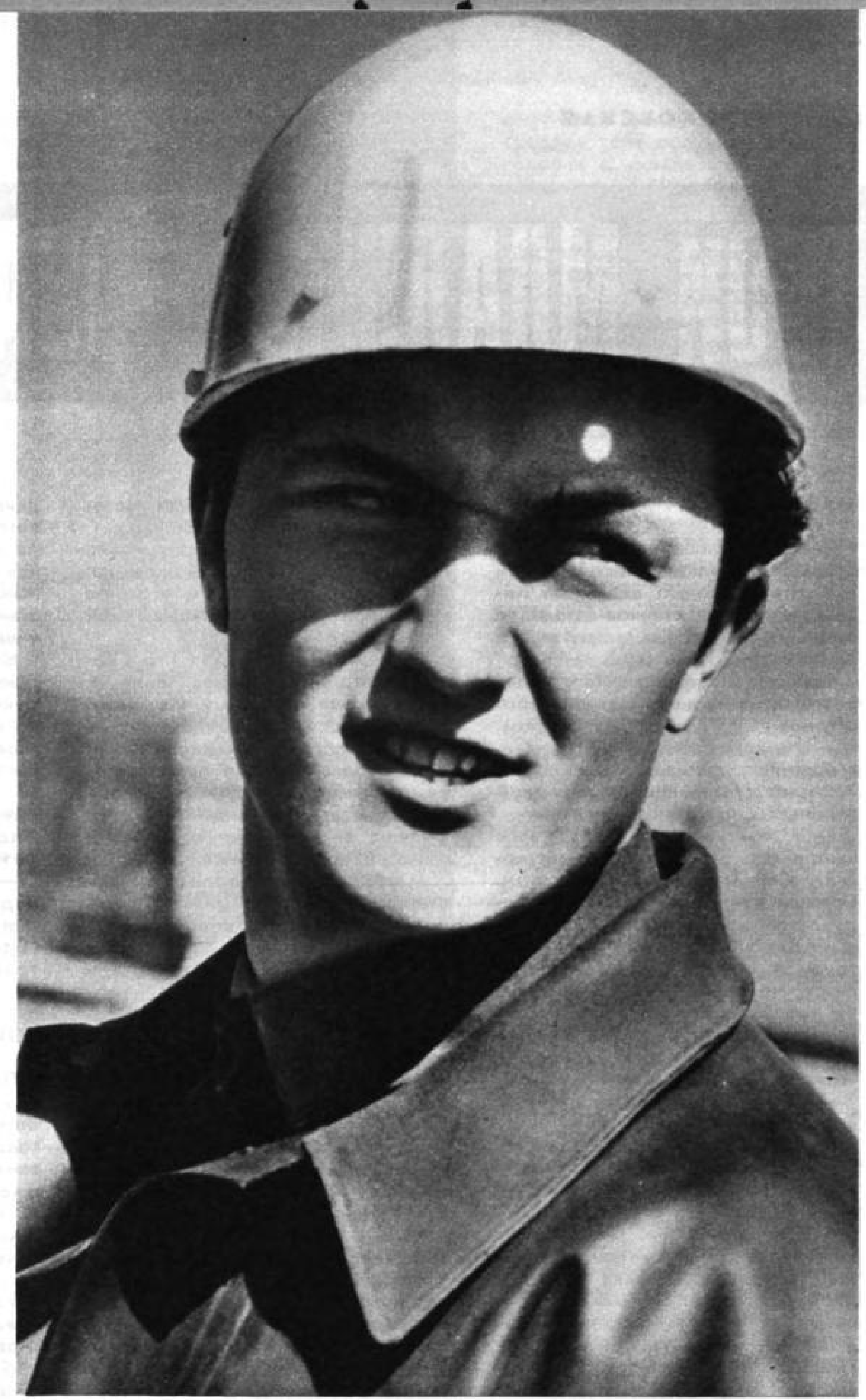
Лейпцигский завод имени С. М. Кирова шлет свою отличную продукцию в Советский Союз.

Судостроительные верфи в Висмаре. Спуск на воду судна, построенного по советскому заказу.

Лицо молодой Германии. Инженер-монтажник с химического гиганта «Лейна II».

Прекрасны автомобильные дороги ГДР! Они пересекли страну во многих направлениях, связали крупнейшие города, протянулись к рудникам, портам и курортам. Особенно хороши так называемые автобаны — широченные, с надежным покрытием, с великолепной регулировкой скоростного движения машин.

На дорогах Германской Демократической Республики лучше всего увидишь, как широко и плодотворно сотрудничает республика с другими странами социалистического лагеря. Вот одна за другой спешат колонны машин к Лейпцигу. На машинах марки соседних стран — Чехословакии, Венгрии, Польши. Они доставят лучшие образцы промышленной продукции на международную ярмарку, которая год назад отметила свое 800-летие. В наши дни она поражает молодым задором, кипучей энергией, высокой организованностью. На весенней Лейпцигской ярмарке чуть ли не каждый час заключались важные торговые соглашения. Лучше всего у ГДР идет торговля с Советским Союзом, который стал ее крупнейшим торговым партнером. Недавно в Лейпциге было подписано новое соглашение о поставке в ГДР советских автомобилей. В то же время Лейпцигский завод имени С. М. Кирова выполняет крупный заказ Советского Союза на поставку мощных железнодорожных подъемных кранов. Их можно видеть у нас на железных дорогах Урала, Сибири, Украины.

Приятное чувство охватывает каждого друга демократической Германии, когда он мчится в машине по автобану. Справа и слева раскинулись образцово возделанные земли кооперативов. Там и тут над черным полем взлетают легкие белые облачка: это крестьяне вносят в почву минеральные удобрения. Неподалеку от места работы стоят в рядок мотоциклы. Теперь уже почти не встретишь крестьянина, который отправляется в поле пешком.

С автобана хорошо видно, что города демократической Германии быстро приобретают новый, более красивый силуэт. Это прежде всего относится к городам—ровесникам республики, но также и к тем городам, что восстали из пепла и руин. Редко-редко напоминанием о тяжелых послевоенных годах мелькнет изломанный силуэт заброшенной ветряной мельницы или наскоро построенного барака, где уже не живут люди, а устроен какой-нибудь склад.

Одна из шоссейных дорог подходит к некогда заштатному, а ныне широко известному и быстрорастущему городу Шведту. Сюда пришел нефтепровод «Дружба» и вдохнул жизнь в гигантский нефтеперерабатывающий комбинат. Из года в год растет мощность комбината, и одновременно растет один из самых юных — по возрасту его граждан — город.

Но сотрудничество братских стран не кончается там, где нефтепровод вмонтирован в резервуары комбината. Теперь от Шведта к крупнейшему химическому гиганту ГДР «Лейна II» прокладывается подземная магистраль длиною более 300 километров. Работы ведут польские строители. На «Лейна II» нефтепродукты будут превращаться в промышленное оборудование и строительные материалы, способные преобразовать целые отрасли экономики ГДР.

Какую бы дорогу вы ни выбрали, она вас обязательно приведет к городу или новостройке, где вы увидите радостные плоды сотрудничества братских стран. Вот буроугольный комбинат «Шварце Пумпе». Над одним из его строящихся объектов полощутся сразу два флага — ГДР и ЧССР. Здесь работает смешанная бригада германских и чешских специалистов. А в городе Висмар сегодня рядом с флагами ГДР реют на весеннем ветру советские алые флаги. Здесь сошло со стапелей гигантское судно, построенное для Советского Союза. И немецкие рабочие от всего сердца желают ему счастливого плавания!

Советская балерина Ольга Лепешинская дает уроки в Государственной балетной школе ГДР.

Галина КУЛИКОВСКАЯ

ТВОЙ МЛАДШИЙ ТОВАРИЩ

МАРИЯ

Человек пришел на завод. Человеку не больше восемнадцати лет. Что ждет его здесь, на Киевском заводе станков-автоматов имени Горького? Как встретят его за проходной?

Если нет профессии, то первый разговор в отделе технического обучения:

— На кого хотите учиться?

Марийке пришлось подождать. Эти слова были адресованы двум паренькам, что пришли раньше.

— А мы уже ученые. У нас в школе есть механическая мастерская. Сейчас мы еще в десятом. Пришли узнать, по какому разряду летом нас примете.

— Как «по какому»? Оценка по труду в аттестат теперь не вносится? Не вносится. Что же касается вашей практики, то три часа в неделю вместе с теорией — маловато. На сверлильном станке и то норму не выполните.

— Так что же нам, учиться сначала?

— Может, и не сначала. Но учиться придется основательно.— И, уже обращаясь к девушке: — А вы кем хотите стать?

Мария сама не знала кем. Ей все равно было — сверлильный или токарный. Сказала вообще: «Хочу к станку». Ей выписали пропуск в первый механический. «Идите к начальнику, познакомьтесь. Если понравится, скажите нам».

По цеху гуляло солнце. Станки, слившись в плотные ряды, напомнили Марийке весенний кустарник: все они были зеленые, разных оттенков.

— Значит, одиннадцать классов.— Начальник цеха постукивал карандашом в такт словам.— А какой уклон? Дошкольное воспитание? — Карандаш остановился. Седые брови взъерошились. Глаза посмотрели поверх очков.

Марийке стало как-то неудобно за свой «уклон».

— Видите ли, наш Ворзель — курортное местечко: дома отдыха, пионерлагеря. Вот и решили сделать из нас воспитательниц. Только получилось перепроизводство, их столько и не нужно. Всего несколько человек устроилось по специальности.

— Да,— протянул озадаченно начальник цеха,— такого еще у нас не случалось. Пекари приходили, швеи были. А тут «детсадик»... В институт не попали?

— Не добрала два очка,—вздохнула Мария.

Он подумал: «Вот все они так, молодые: сюда на годик-другой, для стажа или до армии, а потом — «будьте здоровы». Не цех, а перевалочный пункт».

— Да вы не беспокойтесь, я выучусь, постараюсь,— поспешила она заверить.— У меня по математике и физике пятерки были.

— Пятерки, говорите? Ну что ж, пойдемте. Западенко! — окликнул он невысокого человека, что шел впереди.— Покажи девушке свой участок!

Старший мастер понял, что к чему: смотрины. Пришла, видимо, устраиваться на работу. Их много приходит осенью. Но почему начальник направил именно к нему? У него заковыристое производство: обработка зубчатых колес. Женщин тут почти нет. «А ну, определю ее к Андриенко! У него, кажется, нет ученика сейчас?..»

Марийка будто прочла мысли старшего мастера. Шла по длинному, почти во весь корпус пролету, а как увидела гору больших, с блестящими зубьями колес, так и остановилась. Бронзовые, они резко выделялись среди стальных заготовок. Солнечные лучи омыли их, и они горели, как червонное золото. Такими красивыми их делал человек, что стоял к Марийке боком, в кепке, куртке и черном фартуке поверх куртки.

— Василий Петрович, познакомься,— представил ее Западенко.— Ученица к тебе.

— Вот и добре. Когда приступим?

Марийка растерялась, она не предполагала, что произойдет все так быстро. Может быть, еще посоветоваться с отцом? Он тракторист, разбирается. Но тут она представила себе, что после нее завтра или сегодня придет сюда кто-нибудь, и место окажется занятым. И вдруг этот Василий Петрович узнает про детский сад и откажется от нее, чего доброго, вовсе?

— Хоть сейчас,— решительно подняла она, как на уроке, правую руку.

Андриенко улыбнулся: тронула горячность девушки. Но тут же засомневался. Ходили у него в учениках солдаты, вернувшиеся из армии, ремесленники, но девчонок еще не было. Стал вспоминать: Мургана вывел в техникум, Кушнирского — в институт, Шевченко ушел в армию. Иван Зубилевич остался его сменщиком. Хороший рабочий, никто на него не в обиде. Владимира Юр цеховые комсомольцы избрали своим вожаком. Душа-человек. А вот что получится из нее?

...Теперь, спустя пять месяцев, можно сказать, что получилось. Конечно, не сразу. Сначала Мария была неловкой и несмелой, боялась нажать пусковую кнопку, как следует повернуть маховичок. Были и запоротые детали, не без этого, конечно. Но ни разу не видела она, чтобы у Василия Петровича гневом сверкнули глаза. Отойдет от своих станков, станет возле Марийки, смотрит. Раньше она волновалась: то дверцу начнет раздвигать без времени, то тереть ветошью станину, а потом привыкла и уже не робела при нем. Станок у нее нелегкий—шевинговальный. После него все фрезерные станут доступными. Не каждый ученик Андриенко мог одолеть его. Кое-кого на пятый-шестой день отсылал он обратно. А Марийку оставил. Приметил еще одно качество, не приобретенное, а свое собственное: сообразительность. Видимо, не зря она задачки по алгебре и геометрии, как орешки, щелкала. Вот и решил Андриенко завести с ней как-то разговор впрок:

— Не сегодня-завтра тебе разряд присвоят. Что ты думаешь, Мария, насчет техникума? При заводе есть вечерний. Тебя сразу на третий курс примут.

ЧЕЙ ЭТО ПОЧЕРК!

Про остальных питомцев средних школ я решила узнать у комсорга цеха Владимира Юр. Про токаря Ярошенко, который грезит авиацией, про фрезеровщицу Алексеенко, чей портрет красуется на доске почета, про шлифовщика Блинова, который учится на вечернем отделении университета...

Володя работал спокойно, не спеша переходя от одного станка к другому. Их два у него: фрезерный и резьбофрезерный. Со стороны могло показаться, что парень медлителен. Но так же собранно, неторопливо, четко работает и Василий Петрович Андриенко, учитель Марии и Володи. Словом, андриенковский почерк.

А вот чей почерк у Володиного соседа слева? Белобрысый, с едва пробивающимся пушком над верхней губой и папиросой в зубах, он неторопливой походкой подошел к станку, положил папиросу на этажерку, постучал гаечным ключом, включил станок и эмульсию. Фреза дошла до половины детали, и он снова выключил станок. Пошарил в шкафу с инструментом, будто отыскивая что-то. Тут к нему подошел Володя. Видимо, стал спрашивать, что у того не ладится. По-хозяйски осмотрел приспособление, подтянул гайки, проверил штангенциркулем размеры. Потом хлопнул по плечу соседа: мол, теперь все в порядке, запускай на полную катушку — и отошел.

Но стоило только Володе начать со мной разговор, как сосед немедленно испарился. Его черная вельветовая куртка поверх коричневого свитера и черная пушистая кепка замаячили в другом пролете. Постоял тут, постоял там... Словом, слонялся как неприкаянный.

— Вот беда, работать-то не хочет,— вздохнул Юр.— Хоть кол на голове теши. А если захочет — сделает.

— Откуда он пришел?

— Из интерната. Восемь лет проучился, больше ни в какую. Мать привела сюда. А он осенью прогуливать стал. Меня тогда комсоргом избрали. Пошел к Жоре домой. До меня, говорят, была тут история. Один такой же, как Жора, парнишка обманывал семью. Узнав про делишки сына, мать примчалась в цех и при всех, прямо на рабочем месте, отделала его, как котенка. Со стыда не знал, куда деться. Я не сторонник такого антипедагогического метода, но и покрывать сына нельзя. Я говорю Валентине Павловне, Жориной матери: «Он ничего не зарабатывает, плохо помогает вам, а у вас же дети». А она: «Что ему тянуться? Ему хватает, он в семье как-никак живет».

Жора тем временем пришел и для видимости стал возиться у станка.

— Больше года ходит в учениках. Разряд присвоить старший мастер не решается. Норму он не выполняет. У нас же план. Увольнять было собрались — мать в райисполком: «Не выбрасывайте на улицу, не губите».

— Неужто он так безнадежен? Неужто не подобрать к нему ключика? Не может того быть.

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

СИЛА СЛОВ

В поэтическом мире Леонида Мартынова для каждого понятия находится особенное слово и созвучие. Вот, скажем, стихотворение «Хочется сосредоточиться», написанное в замедленно-сосредоточенном темпе трудного раздумья:

Совладать со всяческою
нечистью,
Делать все,
Чтоб вновь не грянул бой,
Столковаться с целым
человечеством
И остаться
Все ж
Самим собой!

«Совладать», «столковаться»... Какие русские, житейские слова, но, переосмысленные поэтом, они звучат удивительно

Леонид Мартынов. Первородство. «Молодая гвардия». Москва. 1965.

— Мало я его знаю. В смежных сменах работали, у разных мастеров. Его перевели ко мне всего недели две назад. Но кое-что уже заметил. Часто у него работы нет. Нет простых деталей. А посложнее дать ему боятся: браку еще наделает.

— Вспомните, Володя, а с вами на первых порах не случалось такого?

Юр задумался.

— Было. Еще в шестьдесят третьем. Вывели меня из учеников на разряд, а загрузки-то мне и нет. В первый день поработал только два часа. Во второй — совсем пусто. Стою, как на Крещатике, покуриваю. На третий день не выдержал. Пошел к начальнику цеха. Так, мол, и так, говорю. Если работу не найдете, перейду в соседний цех. Нашли тогда выход: определили на другой участок. Тут, видите, целых два станка у меня. Ну, а Жора вялый какойто. Подобной ситуации он только рад.

— А может быть, он парень нерешительный. Привык за год бездельничать. Год ведь — большой отрезок времени, особенно когда человеку всего шестнадцать. А силы воли нет...

На другой день я не узнала флегматичного Жору. Было время обеда. Цех опустел. Отдыхали люди, и отдыхали моторы. На дальнем столе слышался перестук костяшек. И только фреза Новосельцева стонала и скрипела, как тупая пила, попавшая на сырое полено. Едва она успевала пройтись по гаечному «шашлыку», как Жора снимал оправку и нанизывал на нее, словно на вертел, новые гайки. Больше двух десятков гаек сразу. И снова подставлял их под фрезу. А подсобницы подносили ему все новые ящики с гайками. Видимо, комсорг постарался — обеспечил соседа деталями.

На следующее утро — это было в субботу — пустовали три станка сразу: два Володиных и Жорин. У Юр школьный день: всем учащимся такой положен раз в неделю. А где же сосед?

— Жора заболел? — спросила я у мастера Коренца.

— А кто его знает! Он за мной не числится.

Мастер Грищенко тоже отказался:

— Жора? Он же переведен в другую смену.

Мне пришлось наводить справки у старшего мастера. Поднялся такой крик, что не слышно стало даже фрез и резцов. Старший кричал на сменных, а сменные — друг на друга. Ясно было одно: спихивают.

Когда к концу смены страсти улеглись, как ни в чем не бывало появился Жора с папироской.

— Где ты был? — накинулись на него.— Мы тебя шукали!

— Та на шестернях.

— Что ты забыл там?

— Та ничего, смотрел...

— Твоя же работа стоит!

— А у меня нема деталей.

— Идем, хлопче, посмотрим,— предложил старший мастер.

Возле станка высилась груда заготовок. Но это были не вчерашние гайки, а какие-то тонкие диски.

— Видал?

Жора промолчал и отвел глаза в сторону. Когда начальство ушло, он процедил:

— Тоже мне работа — три десятых! Скукота...

Я не поняла. Каких три десятых, чего?

— Три десятых копейки за диск. Профрезеруешь гайку — пять копеек. Все от этих дисков увертываются. Чем я хуже других, чтоб мне подсовывать?

— А чем ты лучше других? Диски же эти не дашь рабочему со вторым разрядом...

Так неожиданным образом «прорисовался» почерк Жоры. Чего было в нем больше? Самолюбия, мальчишеского зазнайства или расчета, который, казалось, в нем отсутствует? От кого же из старших воспринял он такой неровный, с выкрутасами почерк?

ЗАПЛЕЧНИКИ

Станок у Петра Филипповича Дудко громоздкий, тяжелый, детали на нем он обрабатывает такие, что руками не поднять — кран их подает. И сам Петр Филиппович немолодой уже, кряжистый, под стать станку. Солидно разгуливает вдоль станины в своих толстых, в роговой оправе очках. Профессор!

Алик Петру Филипповичу пониже плеча будет. Когда Петр Филиппович ему что-нибудь объясняет или показывает, то стоит он не сзади, за спиной, как все ученики, а сбоку, выглядывает из-под локтя. А если зайдет за переднюю бабку, то нет его и вовсе. Петр Филиппович тогда забеспокоится, начнет звать:

— Кохановский, ты где? А ну иди, пройди разочек.

Это значит, что «малышу», как его про себя ласково называет Петр Филиппович, доверяется поработать за станком. «Малыш» краснеет от счастья, хотя оно достается ему нелегко. Чтоб подкрутить патрон, становится на цыпочки и тянется, тянется кверху. Матери у Алика нет, живет он в общежитии, и Петр Филиппович по-отечески покровительствует ему. То в школу пошлет: «Надо среднее тебе получить, всего два годочка и осталось»,— то начнет спрашивать: «Что делал вечером, куда ходил?»

Комсорг цеха Володя Юр.

Фото М. Бермана (ТАСС).

Василий Петрович Андриенко и его ученица Мария Дидковская.

Так прошел месяц, другой, пятый. «Малыш» кое-чему научился. Петр Филиппович мог доверить ему станок на плановых деталях, конечно, не на заказных. Для Алика это было наивысшей наградой. Пора ему было встать к своему станку. Но вся беда в том, что в цехе № 2, в который его направил отдел кадров, нет ни одного свободного станка. Оборудование тут все крупногабаритное, специальное, и работают на нем кадровые токари, расточники, строгальщики. Работают по многу лет. Все давным-давно отслужили в армии, и никто из них не собирался уходить.

Так стал Алик Кохановский своего рода безлошадником, или, как их здесь называют, заплечником. Стоит за плечом учителя: ему все только показывают да рассказывают. Око видит, да зуб неймет. Подобная участь постигла и Витю Цыбенко. Он появился здесь вместе с Аликом.

Пыталась я выяснить у начальника цеха, что он думает по этому поводу. Оказывается, еще месяцев пять тому назад в цехе должны были поставить два обыкновенных «ДИПа» для обточки пружин. Таково предписание главного технолога завода. К сожалению, оно осталось лишь на бумажке. Станки не прибыли, и выучившимся ребятам в цехе делать было нечего.

История эта наводит на грустные размышления. Летом на завод придет почти двести школьников. Для их подготовки есть мастерская и классы — целый учебный цех, оборудованный не хуже, чем где-нибудь в профессионально-техническом училище. Это радует. А вот как примет их производство? Не станет ли коекто из вчерашних одиннадцатиклассников и восьмиклассников заплечником? Или будет простаивать в ожидании деталей? Всем ли посчастливится попасть к таким наставникам, как Василий Петрович Андриенко и Петр Филиппович Дудко?

...Идет в промышленность твой младший товарищ. Готов ли ты к встрече, старший?

свежо и мудро. В них тема мира, воинственного, действенного гуманизма решена неожиданно и смело.

В тонком психологизме словесной вязи, свойственной поэтике Л. Мартынова, возникает ощущение самого процесса познания, неповторимого, всякий раз нового. Поэт постоянно обновляет смысл слов. Рисуя облик старой России, воссоздавая обстановку, сложившуюся перед империалистической войной 1914 года, Л. Мартынов обнажает борьбу контрастов — рядом с лучинной, санной, избяной Русью вздыбились «машинки всех систем», фирмы, торговые дома; рядом с нехитрыми народными каруселями на Страстной возникали бездушные фабричные массивы, рассадники чахотки. Все смешалось...

Вот почему в стихотворении «Семнадцатый год» вереница одухотворенных месяцев так просто и закономерно завершается скульптурной фигурой Октября: «Сметая все преграды, пришел Октябрь в распахнутой шинели». Вот почему и «Ноябрьский снежок» вызывает прочную цепь очень конкретных ассоциаций с самым дорогим и заветным для советского читателя.

Стихотворения «Еще боятся высоты...», «Во-первых, во-вторых и в-третьих», «Дедал», «Рассказывай, люблю твои рассказы...» идейно-художественно завершают весь сборник. В них опять волшебство простого слова помогает нам проникнуть в тайну сложного явления.

В интересно задуманном стихе «Ты видел ли, как в час отлива...» финальная строка подчеркивает ощущение неизбежной целесообразности во взаимодействии природных сил. Этим ощущением внутренних сцеплений, единства покоряет весь цикл Леонида Мартынова «Первородство», в котором стихи находятся в тесной внутренней связи между собой. Читая «Первооткрывателя», опять думаешь о первородстве: так настойчива и притягательна здесь мысль об истоках открытий, откровений, о сохранении начал, преобразующих мир.

В этом ряду поисков особенно запоминается стихотворение «Хор». В нем еще более непосредственно раскрывается постоянное стремление поэта определять преемственные связи эпох в развитии культуры.

Един и диалектичен процесс продолжения, развития традиций и новаторства, едины верность прекрасному в прошлом и поиск неведомого. И яркое доказательство такого единства — лирика самого Леонида Мартынова.

А там, у входа в зал
концертный,
Шагал вперед народ
бессмертный
И слышалось звучанье хора.
Где счету нету голосам,
И, кажется, за дирижера
Там каждый был отчасти сам.

Для поэзии Леонида Мартынова характерна тонкая символика. Она то в юморе слова-оборотня («за дни весеннего разлива, неощутимого для пней!»), то в извлечении, казалось бы, неожиданного смысла из известных фактов («И хлопок, в сущности, цветок, приобретает силу взрыва»), то в раскрытии в обычном, житейском слове сложных взаимосвязей нашей эпохи.

Вся оригинальная поэтическая образность стихотворений Леонида Мартынова важна и привлекательна главным образом тем, что она открывает целостную картину большого современного мира, показывает духовную зрелость и нравственное богатство современного советского человека, которому принадлежит будущее.

И. ДЕНИСОВА

Владимир ФИРСОВ

солне

Сыновняя верность

И мне бы, я знаю, хватило
Несколько граммов свинца,
Чтоб встала моя могила
Вровень
С могилой отца.
Чтоб клена багровое знамя
Гудело
Осенней порой.
Чтоб солнце не гасло над нами,
Над батей и надо мной,
Чтоб видели росные травы,
Как сын неразлучно с отцом
По звездным бредет переправам,
Усыпанным вражьим свинцом...

Но я опоздал народиться...

А он не торопится,
Ждет —
Мой недруг,
Что станет убийцей,
Когда ему время придет.
Мы с ним одногодки, к примеру,
Но разных отцов сыновья.
И он
Ненавидит ту веру,
В которую верую я.
И это бы ладно!
Однако
Он, верный заветам отца,
Малюя фашистские знаки,
Уже не скрывает лица.
Уже с откровеньем недетским
Меня он берет на прицел
За то, что я русский,
Советский,
За то, что, как видите, цел.
За то,
Что я все понимаю,
За то,
Что я верен стране,
И знамя отца поднимаю,
И знаю,
Что я — на войне.

Родниковые облака

Мне снится родничок журчащий,
Куда я бегал за водой...
В крушиново-ольховой чаще
Он и поныне молодой.

На дне его пестрят песчинки,
Вокруг осока и цветы.
И девочка в цветной косынке
Глядится в зеркальце воды.

Потом глядит знакомым взглядом
В большое небо,
Как в окно.
И ничего-то ей не надо,
Не надо ничего давно.

Она глядит,
Как тучи тают,
Как проплывают облака...
И ни о чем-то не мечтает
Среди цветов,
У родника.

А просто думает, я знаю,
Что облака идут ко мне,
Чтоб рассказать,
Что есть родная
Душа
В родимой стороне...

Вот девочка косынкой машет
Вослед плывущим облакам.
— Ну что ты, Маша? Плачешь,
Маша!..
И слезы — градом по щекам...

Мне снится родничок журчащий,
Куда я бегал за водой...
В крушиново-ольховой чаще
Он и поныне молодой.

И я все чаще замечаю,
Как проплывают облака.
Вот замерло одно, качаясь,
Как весточка от родника.

Оно цветной косынкой машет
И тает, тает на глазах...

И прямо в душу смотрит Маша,
Простоволосая,
В слезах.

Листопад

Осенние кустарники красны.
И желтизна берез дрожит над
ними.
И я бреду
И повторяю имя
Той самой, с кем расстался
до весны.

Я не грущу,
Хотя грустят леса:
Их тоже до весны покинут скоро
Тетеревов любовные раздоры,
Листы берез
И птичьи голоса.

Что сделаешь!
Листву не удержать,
И журавли не могут оставаться,—
Им надо ввысь,
Им надо оторваться,
А лесу нужно молча провожать.

И не грустить в рябиновом огне
И в пламени берез, что тихо
гаснут...

Тогда зачем тревожиться
напрасно,
Зачем грустить,
Когда не грустно мне?
Мне весело от мысли,
Что назад
Вернутся птицы
И листва вернется.

И не беда,
Что сердце грустно бьется,
Что на душе осенний листопад.

* * *

Повсюду ты.
Когда поет гроза
И молнии глаза —
В мои глаза.

Повсюду ты.
Вот радуга во ржи,
Вдоль радуги скользящие
стрижи.

Повсюду ты.
Иван-да-Марьи цвет,
Кувшинками прошитая вода.

Повсюду ты.
Другой на свете нет
И, знаю я, не будет никогда.

Повсюду ты.
В разбуженных лесах
Тебя я слышу в птичьих голосах:
Вот горихвостка солнечно дрожит,
Вот иволга на флейте ворожит.

Повсюду ты,
Да только не со мной,—
Как будто миновал я стороной
Твои дороги
И твои следы!

Спросить у леса,
У речной воды?

Но отвечает мне напев лесной,
Что всюду ты,
Да только не со мной!

Память юности

По-прежнему
Зори алеют
И старые песни годятся...

Отцы незаметно стареют
И прожитой жизнью
Гордятся.

И знамя судьбы поколений
По-прежнему
Свято проносит
Бессменный страны знаменосец
И смерти не знающий Ленин.

И пасмурными ночами
По-прежнему
Снятся героям
Буденновские тачанки
И тачки Магнитостроя.

По-прежнему
Снятся окопы,
Клинки и разрывы снарядов,
Атаки —
Под Перекопом,
Окопы —
Под Сталинградом...

Вставая под алое знамя,
Сыны постепенно мужают...

Враги
Остаются врагами,
По-новому нам угрожая.
Они — за дискуссии, споры.
И часто себя утешают:
С детьми, мол,
Мы справимся скоро,
Вот только отцы их мешают.

Они понимают,
Что силу
Мы грозною силою били.
Им важно, чтоб дети России
О прошлом своем позабыли.

Чтоб лихо
Сыны комиссаров,
Не помня отцовских заветов,
Под музыку вражью плясали,
Свою забывая при этом.

Им важно,
Чтоб мы забывали
О крови, что ярко алела,
О тех, что ее проливали
В борьбе за рабочее дело.
Чтоб мы забывали, к примеру,
Все то,
Чем когда-то гордились,
Чтоб циники
И маловеры
По вражьим рецептам плодились.

Ну что же!
Бывают такие,
Что верят врагам оголтело,
Плевать им на славу России,
Плевать на рабочее дело.

На страже советские люди!
И знают советские люди
И верят советские люди,
Что пятой колонны не будет.

И юности снится ночами
Бессмертная слава героев —
Буденновские тачанки
И тачки Магнитостроя.

Отцовские снятся окопы,
Клинки и разрывы снарядов,
Атаки —
Под Перекопом,
Окопы —
Под Сталинградом.

Цвет земли

Земля в масштабе мирозданья...

Я не о ней хочу сказать.
Я все о той,
С кем на свиданье
Явился тридцать лет назад.

Явился к роднику,
Откуда
Черпали воду сотни лет
Поклонники земного чуда,
Веками сеявшие хлеб.

Явился я звонкоголосо
Туда,
Где, как и в старину,
Стозвучно косы на прокосах
Озвучивали тишину.

По клеверам шмели сновали,
Гудели липы у реки.
И голуби зерно клевали
Доверчиво с моей руки.

чные колодцы

Дорога.
Тропка полевая.
Поющий перепел во ржи...
Явился я,
Не понимая,
Что это мне принадлежит.

И после,
В грохоте орудий,
Который слышал не в кино,
Я думал,
У меня не будет
Всего того, что мне дано.

Ни клевера,
Ни речки синей,
Ни грохота перепелов.
Была со мною боль России —
Без ярких красок, ярких слов...

Все было серое:
Шинели
И грозовые облака;
И серые ветрá шумели
Над серым отблеском штыка.

Холстами серыми
Проселок
За серым лесом пропадал;
И серый дым кружил по селам,
И серый пепел оседал.

И вот теперь,
Когда мне снова
Дано все то, что надлежит,
Я не могу уйти от слова,
Что рядом с памятью лежит.

Я не могу уйти от сердца.
И даже в радости
Нет-нет
Да проскользнет тот самый,
Серый
И монотонно-горький цвет.

И прозвучит рассветной ранью
Навеки близкая земля,
Что не в масштабе мирозданья,
А в грустной песенке шмеля.

* * *

Полно нам с тобою разлучаться,
Друг на друга искоса глядеть...

Лодке — плыть.
А парусу — качаться.
И сынишке — на корме сидеть...

Нам с тобою отдано полмира.
Родина дана.
Любовь дана.
Но пойми, родная, что квартира
Городская
Мне давно тесна.

Вот и ухожу я очень часто
Без гроша в кармане,
Чтобы вновь
Издали
Взглянуть на наше счастье,
Испытать разлукою любовь.

Но вдали от глаз твоих любимых,
Словно бы от родины вдали,
Вижу я,
Как проплывают мимо,
На меня не глядя, корабли.

Ты не знаешь,
Как бывает душно
Оттого, что на закате дня
Поезда
Проходят равнодушно,
Ничего не зная про меня.

Вот и остаюсь,
Как на чужбине,
Снова сам с собой наедине,
Вдалеке от глаз твоих любимых,
Что ревниво смотрят в душу мне.

Не гляди!..
Ты слышишь?
Возвращаюсь,
Потеряв разлукам долгим счет.
И земля,
По-прежнему вращаясь,
Весело меня к тебе несет.

Значит, нам не надо разлучаться:
Одному мне мир не разглядеть.
Вместе плыть, под парусом
качаться
И сынишке на корме сидеть.

В краю сказок

Я верю белизне берез,
Заре,
Малиновкой летящей,
Когда молчу,
Под скрип колес
Вплывая в утреннюю чащу.

И конь,
Уздечкою звеня,
Бредет, за ветки задевая.
И от росинок, как бывает,
Намокнул рыжий круп коня.

Гляжу,
Под жалобу колес
Дремотою объятый вроде,
Как солнце медленно с берез
На землю грешную нисходит.

И вот уже сквозь синь росы,
Сквозь проглянувшее оконце
Возникли рыжие усы
Веселого, как бубен, солнца.
Оно касается меня
И словно делает счастливым.
И грива рыжего коня
Горит, как золотая грива.
Ударил дрозд,
Защелкал клест,
Забился, пламенея, дятел!
И смолк дремотный скрип колес,
И замер конь,
Как будто спятил.
Оторопелый, он молчит
И, бессловесный, онемело
Копытом о землю стучит
И снова трогает несмело.
И наступает новый день
В краю,
Где сказки не забыты,
Где смотрят в окна деревень
Все те же грустные ракиты;
Где на печи,
Под потолком,
Гутарит кот, сощуря око,
С Иванушкою-дурачком,
Что ходит в дураках до срока...

Я тоже
Там,
На печке,
Рос
И сказкам тем же
Крепко верил,
Чтоб верить
Белизне берез,
Что отворяет солнцу двери.

Звезды августа

Ручей.
И кладка в две тесины.
Тропа белела в темноте.
И зрели звезды в черно-синей
И августовской высоте.

Ракиты темными стогами
Нас обступали в этот час.
Земля вращалась под ногами,
Слегка пошатывая нас.

Я помню:
Звезды пролетали
До удивления светло,
Желанья наши совпадали —
Иначе быть и не могло.

И на виду у звездной ночи,
Не слыша бульканья ручья,
Я целовал
Впервые
В очи
Тебя, далекая моя.

Потом расстались мы.
И надо б
Забыть о том давным-давно.
Но ежегодно
Звездопады
Ко мне врываются в окно.

О чем я загадаю ныне,
О том ли,
Что давно прошло?..

И, словно бабочки ночные,
Стучатся звезды о стекло.

На родине

Мы и люди и боги,
Стерегущие эти края,—
Не дымком самокруток,
А дымом эпохи
Закурила деревня моя.

Было грустно когда-то.
Не приходится нынче грустить,—
Седовласый профессор,
Расщепляющий атом,
Приезжает к родне погостить.

И, тряхнув стариною,
Озорством удивив полсела,
Сядет весело в сани
И снежной летит целиною
Молодецки:
— Была не была!

А потом за ответным
Угощением
Вечер пройдет,

Щуря очи хитро
От неяркого света,
Старина разговор заведет.
Как, мол, дети?
Как внуки? —
Ровесников спросит.
И вдруг:
— Жаль, что вас, мужики,
Не хватает в науке! —
Скажет доктор наук.

А народ посмеется,
Наполнит стаканы народ.
И заметит профессор,
Что весело пьется,
И украдкой о чем-то вздохнет.

И умолкнет.
Ни слова.
Лишь будет очки протирать.
После молвит:
— Придется ли свидеться,
Выпьем ли снова?
Будто время — пора умирать.

Загрустит.
Не о смерти.
Скорее наоборот.
— Да, не сладко в науке бывает,
Поверьте,
Но и ваша работа не мед.

И, пожав на прощание каждому
руку,
Скажет, вновь протирая очки:
— Сыновей, мужики, присылайте
В науку.
Трудновато без них, мужики!

Солнечные колодцы

В колодцах солнца не бывает,
Бывают звезды иногда.
И все же солнечна вода!

Она в жару не убывает,
Не убывает в холода.

И сколь ни черпай, не убудет,
Не потемнеет там, во мгле.

Тропинки проторили люди
Ко всем колодцам на земле.

И хоть не храмами с крестами
Они стоят, всегда чисты,
Ты без поклона
Не достанешь
И капельки живой воды.

Не той, которая по трубам
Дойдет до крана и молчит,
А той,
Что там, в глубинах сруба,
Сердечком солнечным стучит.

И так стучит она от века,
Не умолкая никогда.
В жару напоит человека
И обогреет в холода...

И в час, когда заря по кленам
Скользит и тонет в высоте,
Россия
Отдает поклоны
Живой колодезной воде.

З. ХИРЕН

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Одеяло, сталь, фантазия

Молодые эти инженеры немало гордятся тем, что начинают заводскую жизнь с освоения совершенно нового полимера. Долго и мучительно добывался полипропилен, один из перспективнейших полимеров наших дней. Были у него противники, были и друзья, шли битвы, дискуссии. И вот победили друзья.

Недавно один голландский химик, приехавший в Москву на симпозиум, жаловался мне: в наши дни наука так быстро движется вперед, что порой школьники, студенты да и педагоги узнают о больших научных открытиях не из новейших учебников, а из самых неожиданных источников. Скажем, ребенка закутывают в теплое пушистое одеяло, а мать говорит ему, что одеяло из... полипропилена. Что это такое — полипропилен? Завтра малыш спросит об этом в школе. Но у кого: у химика или у физика? Потом выяснится, что оба причастны.

А сейчас к нему главным образом причастны молодые инженеры, поступившие на Московский нефтеперерабатывающий завод сразу после окончания института.

Не покажется ли вам странным этот резкий переход от теплого пушистого одеяла к нефтеперерабатывающему заводу, который без устали поит Москву горючим — ее нескончаемые потоки автомобилей? Послушаешь одного из пионеров полипропилена, директора завода Демида Васильевича Иванюкова, и выходит, что столица наша «выпивает» столько бензина, что сравнивать ее в этом отношении можно лишь с целыми союзными республиками.

Нефть течет сюда по трубам из Татарии. Бурая, жирная, густая. Я ее видел за Камой, за знаменитыми шишкинскими лесами. Но на заводе ее редко кто видит в натуре. Она скрыта в трубах, проходит многочисленные процессы, пока попадает уже в виде хорошо очищенного бензина в заправочные колонки. И не только в виде бензина. Иногда ошеломляют нас на улицах столицы длинные, сигарообразные, серебристого цвета цистерны с надписями: «Пропан», «Бутан». Что это? Всего лишь топливо для дачных газовых плиток, которое получают все из той же нефти.

Проведешь несколько часов на нефтеперерабатывающем заводе — и свыкаешься с запахом уксусной эссенции. Впечатление такое, что где-то рядом столовая, в которой неустанно подают на закуску острые блюда. Дело в том, что и уксусная эссенция добывается здесь.

И вот вы воскликнете: при чем же тут полипропилен, какое отношение он имеет к ненасытной жажде московских автомашин, к газовым плиткам дачных кухонь, к острым закускам? Оказывается, самое прямое отношение. Мы не случайно написали: хорошо очищенный газ... Дело в том, что чем лучше очистят его, тем больше сырья для полипропилена. На его изготовление идут отходы очистки, газ — словом, изготовляют этот порошок, чем-то напоминающий мартовский снег, если хотите, «из ничего», как выразился один инженер, из невидимого вещества.

Большие, сложные химические процессы происходят на заводе. О подобных процессах Горький писал: берут вещество, как нечто непрерывно оплодотворяемое энергией людей, трудом их мысли и фантазии. Между прочим, это было сказано, когда в стране у нас только-только появились пластмассы. Тогда еще довольно робко к ним подходили, дальше галантереи не пускали. Позднее знаменитый ученый Дж. Бернал скажет о появлении полимеров, что это переломный момент в истории возникновения жизни. Полимеры давно вырвались на необъятные просторы индустрии, заменяют сталь, чугун, трубы, меха, манильский канат, ткани, трикотаж... Всего не перечислить. Стоит лишь мысленно прикинуть, какой переворот совершают эти заменители в экономике, в технике, в жизнеустройстве людей, чтобы убедиться в меткости определения ученого.

Мы идем по заводу с Демидом Васильевичем Иванюковым. С этим человеком познакомился я незадолго до съезда партии на районной партконференции и уже с первых слов понял, что начинен он проблемами и что, в частности, полимер, о котором идет здесь речь, доставил ему немало хлопот и переживаний. Он рассказал мне о противниках полимера и о том, как он от них отбивался, о своих планах и тревогах за дальнейшую судьбу полипропилена. Ведь мало создать прочный, надежный и дешевый материал, нужно, чтобы он ничем не был опорочен, чтобы он сразу же завоевал симпатию промышленности, симпатию населения. А сейчас вот Иванюков старался объяснить мне сложный химический процесс, вернее, химическое явление, при котором вещества одного и того же состава содержат двойное, тройное количество одних и тех же атомов в молекуле.

Я слушал старого нефтяника и с завистью думал о его молодых учениках, инженерах, которые начинают свою жизнь с этого вот абсолютно нового, захватывающе интересного дела. Вместе с Иванюковым все они заняты сейчас подготовкой к пуску большого комплекса. В институте у себя они лишь видели несколько граммов белого порошка в узенькой пробирке, а здесь вот им предстоит выпускать тысячи тонн такого порошка, который на их глазах, при их самом деятельном участии превратится затем в гранулы, волокно, пленку, трубы, листы. Цех еще не пущен, а каждый день на завод приходят сотни писем с просьбой принять заказ на новый материал. Десятки предприятий уже убедились, что им выгодно будет воспользоваться этим прекрасным сырьем для многих изделий. На заводе есть опытная установка, продукция ее пока невелика, но, представьте, даже это мизерное количество забирает завод доильных установок латвийского города Резекне. Латыши подсчитали, что установки удобнее и выгоднее делать из полипропилена, чем из нержавеющей стали. Конечно же, инженерам, рабочим нефтеперерабатывающего завода приятно на первых порах получить подобное признание своей продукции.

Впереди еще много трудностей. Правда, старые инженеры уверяют, что без этого не обходится пусковой период. Помилуйте, 560 заводов готовили оборудование для одного цеха. Изо дня в день сюда приходили новые машины, насосы, задвижки, оборудование. И тут сам собой напрашивается вопрос: не много ли заводов трудятся для оснащения одного цеха? Причем надо сказать, что на каждом насосе, на каждой машине красуется первый номер, то есть завод впервые выпускает подобное. И вот что получается. Все вроде смонтировано, подогнано, а начинают устанавливать технику — и оказывается: что-то сильно недоработано, сильно недоучтено,— и приходится все разбирать, все заново монтировать, короче говоря, так сказать, начинается ревизия оборудования, тратится на эту ревизию немало средств, стоит она много трудов. Мне уже не раз приходилось слышать, что если бы не участие механика, как тут говорят, самородка, Цветкова Михаила Ивановича и его помощников, то вряд ли удалось бы все собрать, установить. Однако никто не жалуется, никто не отступает от намеченной цели. Но ведь люди привыкли задумываться не только над тем, что делают сегодня, а и над тем, что предстоит делать завтра. И не только им. Понятно, что подобных цехов у нас в стране будет немало, и есть все возможности не подвергать будущих коллег «пусковой лихорадке». Конечно, это уже забота более высоких инстанций, но тем не менее Демид Васильевич нередко задумывается над судьбой своих будущих коллег.

— Самое главное, чтоб новый наш материал хорошо себя зарекомендовал,— говорит он,— не разочаровал заказчиков. Дело тут не в рекламациях, хотя сами по себе они довольно неприятны. Но в данном случае я имею в виду другое. Откроем мы «зеленую улицу» новому полимеру, заказов много, станем мы его рассылать по всей стране, а как поведет себя новорожденный там, при переработке, как подготовились другие предприятия к освоению полипропилена?

Да, хотелось бы, чтобы вещи из нового полимера с первых же дней отличались изяществом, надежностью, чтобы людям нравилось все, сделанное из полипропилена, и, конечно же, чтобы все это стоило недорого.

Демид Васильевич видел немало готовых изделий из полипропилена: прекрасные одеяла, пледы, канаты, целые ванные комнаты, красивую, добротную посуду... Да, все это не могло не понравиться ему. И тут уместно сказать, что нас очень часто раздражает тусклость предметов, изготовленных из пластмасс, а полипропилен при литье дает нарядный, зеркальный блеск. Еще одно важное обстоятельство: в отличие от многих полимеров этот выдерживает высокие температуры.

...Вот уже много дней я не расстаюсь со своими новыми знакомыми — инженерами, лаборантами, рабочими Московского нефтеперерабатывающего завода. Из многочисленных труб, трубочек вырываются неуверенные струйки пара. Воздух пропитан острыми запахами. Одиноко пылает в небе громадный факел. Меня не без юмора предупреждают, чтобы я не вздумал описывать все эти струйки, факел, запахи, потому как все это скорее неполадки, чем достижения, которых на заводе предостаточно. Почему здесь, скажем, редко кого встретишь на территории завода? Так, промелькнут одна-две фигурки и исчезнут — то возле колонны, то среди сплетений труб, то в тихом особнячке операторной. О ней нужно сказать чуть подробнее. Здесь, в операторной, и разгадка всего нового, что происходит на предприятии. На стене множество циферблатов, приборов, записывающих механизмов. Оператору остается лишь следить, конечно же, очень внимательно, за всеми этими стрелками, за всеми этими кривыми. Они отражают все то, что происходит в печах, колоннах, трубах, чего ни один человек увидеть не может.

Уже готов щит управления цеха полипропилена. Там увидели мы такие же приборы, такие же циферблаты, стрелки, вспыхивающие и гаснущие электрические лампочки. И там уже заняли свои посты операторы — рабочие завода.

У колыбели пропилена стояли заводские ученые — сотрудники лаборатории. Валентина Федоровна Петрова — она заведует этой лабораторией — рассказывает, как вместе со своими товарищами она трудилась над новым материалом,— буквально нельзя было никого спровадить в отпуск. Вот крохотное оконце прибора с названием «ксеностест». Там, за оконцем, бушуют тропические ливни, неистовствует тропическая жара. Надо было все время вести наблюдение, нет, не за «буйными» стихиями, а за полипропиленом, помещенным туда, чтобы проверить его надежность, долговечность. Лаборатория ведет работу и по выбору красителей. Для одних материалов потребуются цвета пастельные, для других — более резкие, рельефные.

Еще недавно заводская лаборатория занимала крошечную комнатенку, а сейчас — громадные светлые залы, под стать институту Академии наук СССР, которая, к слову сказать, принимала и продолжает принимать самое деятельное участие в создании нового полимера.

В одном из институтов Академии наук СССР я встретился с доктором химических наук Николаем Михайловичем Чирковым. Энтузиаст нового полимера, он тесно связан с заводом, часто бывает там.

— Борьба за новый полимер велась и ведется не только у нас в стране, но и далеко за ее пределами,— говорит Николай Михайлович.— Полипропилен можно смело считать самым перспективным полимером. Он проникнет буквально во все области человеческой жизни.

...Полипропилен! Пройдет немного времени — в магазинах, на стройках, на заводах появятся сотни прекрасных, удобных, надежных вещей, и слово это будет звучать так же просто, как сегодня звучат слова: сталь, хлеб...

Демид Васильевич Иванюков и Николай Михайлович Чирков — энтузиасты нового полимера. ▶

Новый цех. ▶

Лаборантка Галина Махова.

Гранулы.

В химической лаборатории завода.

А вот и волокно, полученное из гранул.

Академик Н. Н. Семенов — один из основоположников химической физики, основатель и бессменный директор Института химфизики Академии наук.

Его научные заслуги отмечены Государственными премиями, а в 1956 году он стал первым советским и третьим (после Мечникова и Павлова) русским ученым, удостоенным Нобелевской премии.

Н. Н. Семенов — член восьми иностранных академий, почетный доктор многих университетов, вице-президент Академии наук СССР.

Много времени уделяет он и общественной деятельности, как депутат Верховного Совета СССР. Н. Н. Семенов–делегат XXIII съезда КПСС.

15 апреля 1966 года Н. Н. Семенову исполняется 70 лет.

Лев КОКИН

СТАРИК ОГОНЬ

...Быть может, старик огонь дал нам все, что мог, и не к чему ломать голову над его загадкой?

Н. Н. Семенов. «Химическая кинетика и теория горения».

Сложные установки из стекла и металла, опутанные сетью трубок и проводов, сооружались своими руками. Приходилось работать и на станках и у стеклодувных горелок. Чтобы получить узкий молекулярный пучок в помещенной между полюсами магнита трубке, надо было откачивать оттуда воздух древним, дедовским насосом, который то и дело портился. Возились ночами, сутками... По вечерам засиживались в лаборатории, возле печки с трубой, выведенной в окно. За немудреным ужином обсуждали, как быть. Это проклятое пятно молекулярного пучка — оно должно быть тонким, как нитка, и совершенно четким! Вместо этого оно получается расплывчатым и широким. Надо перебрать насос, он никуда не годится, надо достать для него лучший сорт масла...

По тогдашним представлениям это была не работа, а горе. Шел 1921-й год...

Непросто было заниматься наукой в измученной двумя войнами, полуразрушенной и полуголодной стране. Однако, созданный в Петрограде Физико-технический рентгеновский институт, руководимый академиком А. Ф. Иоффе, с самого начала (а оно относится к 1918 году!) стал заниматься коренными научными проблемами. В то время в теории магнетизма возникли серьезные трудности. Молодому физику Николаю Семенову пришло в голову, как измерить «напрямую» магнитный момент атома. Он предложил план опыта и рассчитал его вместе со своим другом, тоже молодым физиком, Петром Капицей. Статью с расчетом послали в научный журнал. Но пока Семенов со своим помощником, щуплым семнадцатилетним студентом-первокурсником Юлием Харитоном — будущим академиком,— бился над опытной установкой, пришло сообщение: немецкие физики Штерн и Герлах в хорошо оборудованной лаборатории поставили подобный же опыт, положив начало классическим работам, за которые спустя два десятка лет Отто Штерн удостоился Нобелевской премии по физике.

Николай Семенов стал Нобелевским лауреатом позднее, чем Отто Штерн, и притом по другому отделу науки — по химии.

Ему запомнилось на всю жизнь, как в пятом классе учитель попросил его: «Семенов, расскажите про хлор». Перед этим он болел тифом, пришлось наверстывать — и тут-то впервые «натолкнулся» на химию. Взялся за учебник и не смог отложить, пока не прочел целиком... Он обстоятельно рассказал тогда на уроке о желто-зеленом газе, который образует многие соединения, в том числе всем известную поваренную соль. И удовлетворенный учитель сказал, обращаясь к классу: «Смотрите-ка, сам зеленый, как хлор, а как все понял!»

Учитель перехвалил его. Он понял далеко не все. Взять хотя бы ту же поваренную соль. Соединение натрия с хлором. Почему зеленый ядовитый газ, соединившись с мягким блестящим металлом, превращается в вещество, совершенно не схожее ни с тем, ни с другим? Что при этом происходит? В рождественские каникулы, накупив в аптеке колб и химикатов, пятиклассник решил получить ответ на свой вопрос — то был первый вопрос, который задал природе будущий ученый.

Итак, он сжег натрий в хлоре, смыл осадок со стенок, отфильтровал его, выпарил, посыпал на хлеб и съел, убедившись тем самым, что состав поваренной соли именно таков, как описан в учебниках. Но он так и не узнал, откуда берутся непонятные свойства соединения. На это в учебниках ответа не было. И он продолжил свои опыты, перейдя к горению и взрывам, что отнюдь не приводило в восторг домашних, особенно после того, как во время очередной демонстрации химических чудес поцарапало носы гостьям-гимназисткам.

Но все это было еще не вполне серьезно, пока в конце шестого, предпоследнего класса не попались ему в руки две книжки — и не поразили его. Пройдет почти четверть века. Тридцативосьмилетний академик Семенов в предисловии к «Цепным реакциям» — главному труду своей жизни — скажет: «Я имел смелость посвятить эту книгу Сванте Аррениусу и Вант Гоффу. С ранней юности моей мечтой было посвятить свой первый большой труд двум моим великим заочным учителям, книги которых заставили меня заняться физикой со специальной задачей научиться ее применять к химическим проблемам».

Вот с какой целью ученик Самарского реального училища решил изучать физику в Петербургском университете.

Время потрясений переживала в ту пору физика. За год до того, как маленький «реалист» в первый раз уселся за парту, сотрудник патентного бюро в далеком городе Берне сформулировал теорию относительности. В тот год, когда юный Семенов стал петербургским студентом, копенгагенский физик Бор предложил свою модель атома, которая стала основой современных представлений о строении материи. Революцией в естествознании назвал эту яркую пору Ленин. Разве удивительно, что студент, приглашенный в семинар приват-доцента А. Ф. Иоффе, в атмосфере кипящих идей, непрерывного ожидания новых открытий почувствовал себя физиком и с увлечением отдается бурям этой науки? Но где-то подспудно, в глубине, жил и прежний интерес. Все упорнее возвращается молодой ученый к мысли, что необходим мост от новой, электронной физики к классической химии. Приступить к «постройке» моста заставляет его случай — так по крайней мере кажется ему самому.

Случай явился к Семенову однажды вечером в образе миловидной девушки, окончившей университет и просившей принять ее в лабораторию. В трех комнатах было тесно. Все были увлечены своими работами, и не хотелось ставить еще одну новую тему. Словом, хотя он и согласился принять девушку, но сделал это без особой охоты и тему для нее выбрал случайно. «Если бы я знал, что эта двойная случайность определит в дальнейшем работу всей моей жизни!» — писал он впоследствии.

Зина Вальта — так звали новую сотрудницу — под руководством Юлия Харитона (уже не робкого первокурсника, а опытного экспериментатора) стала изучать свечение при окислении фосфора. Вскоре мало кого занимавшие опыты с «холодным» огнем привлекли внимание всей лаборатории. Исследователи разводили руками и, как ни искали, не могли найти объяснения обнаруженным чудесам.

Статья Харитона и Вальты с описанием полученных и непонятых результатов была напечатана в научном журнале. Вальта вскоре перешла в другой институт, а Харитон уехал в длительную командировку. Этим бы все и кончилось, когда бы на статью не откликнулся знаменитый немецкий химик Боденштейн, который без обиняков объяснил полученные результаты ошибками опыта.

Доводы Боденштейна были очень серьезны. В самой лаборатории явно засомневались в правильности опытов с фосфором, а по институту поползли разговоры, что Семенов в научной работе легкомыслен... Лабораторию называли тогда «детским садом» — кто ласково, а кто и неодобрительно. Сотрудниками Семенова были студенты или, подобно Харитону, только что окончившие институт физики. Среди них — два будущих академика, три члена-корреспондента, два члена Украинской Академии наук,— но критики не могли этого знать заранее...

Самому проверить спорную работу, учтя замечания Боденштейна,— что еще оставалось Семенову? Когда новая, измененная установка была собрана, не только повторилось то же, что наблюдали Харитон и Вальта, но обнаружилось еще множество новых удивительных фактов. Самое главное — поразительно резкий переход от почти полной инертности вещества к бурному, взрывному течению процесса. И тут у Семенова сверкнула догадка.

Это напоминало лавину в горах. Камешек незаметно срывается со склона и сталкивает другой камешек, третий, и каждый из них сталкивает еще несколько камней, даже если сам застревает где-нибудь в расщелине. Возбужденная молекула окиси фосфора, не успев испустить свет, столкнулась с молекулой кислорода, разбила ее пополам — на два атома. Осколки очень активны, каждый вступит в реакцию с фосфором, и теперь уже две молекулы окиси разбивают молекулы кислорода. Но лавина рождается лишь тогда, когда летящие камни встречают достаточно других камней по пути. Пока кислорода в сосуде мало, столкновения редки. Но в какой-то критический момент молекул становится достаточно, чтобы возникла лавина — разветвленная цепь столкновений...

В опасных горных местах сооружают стенки, чтобы предотвратить лавину. Не служат ли стенки сосуда той же цели?.. Вместе с лучшим своим экспериментатором Шурой Шальниковым Семенов ставит красивый опыт, на который, как на спектакль, собирается пол-института. ...Но это был лишь один из десятков и сотен опытов, которые нужно было проделать, чтобы все «чудеса» наконец поддались объяснению, а все объяснения обрели точность математических формул.

«С некоторым торжеством начал я свой доклад на совете физико-технического института,— вспоминает Н. Н. Семенов,— однако очень быстро заметил, что члены совета мне не верят. Мои товарищи, как и сам академик Иоффе, придумывали невероятные возражения против моих новых опытов. Я совершенно измучился, но так и не сумел убедить их. После заседания, провожая Аб-

Н. Н. Семенов.

Фото Дм. Бальтерманца.

рама Федоровича Иоффе, я сказал о своем намерении напечатать работу. Я сказал ему, что не пройдет и года, как все переменят свою точку зрения, согласятся со мной, поймут важное значение нашей теории».

Если Семенов ошибся, то только в сроках. И первым признает его правоту Боденштейн. Он напишет Семенову, что, как ни удивительны результаты, сомневаться в них больше нельзя. А академик Иоффе впоследствии скажет, имея в виду своего ученика — академика Семенова: «Величайшее счастье ученого — сознавать, что его ученик превзошел учителя».

Еще и еще раз проверяет свои идеи Семенов, вместе с сотрудниками придирчиво ставит опыт за опытом — контрольные опыты, экспериментум-крупис, острые опыты, разносторонние опыты, решающие «да или нет». Любое «нет» окончательно и обжалованию не подлежит. А каждое «да» сомнительно и подлежит проверке. Но природа отвечает однообразно: да, да.

И все же, когда книга «Цепные реакции» — та самая, посвященная Аррениусу и Вант Гоффу,— выходит в свет, многим кажется, что фактический материал, на который она опирается, скудноват, ее автору нередко ставят в упрек, что он с легкостью говорит об «активных центрах», об осколках молекул — «радикалах», не установив со всей очевидностью, что они действительно существуют. Но с тем большим интересом в лабораториях разных стран берутся за эксперименты. В самом ученом мире возникает цепная реакция, вызывающая лавину работ по «цепям». Их находят в самых различных процессах, широко применяющихся в химической и нефтяной промышленности. Окисление и хлорирование, крекинг и полимеризация — это все цепные процессы. Необычные и эффективные методы промышленного получения многих важных продуктов разработаны с помощью представления цепной теории. Она позволила раскрыть секрет действия катализаторов — ускорителей реакции и ингибиторов — замедлителей. Все отчетливей понимая ход химического превращения, ученые учатся управлять им — оригинальные приемы управления реакциями предложил, например, воспитанник Семенова лауреат Ленинской премии Н. М. Эмануэль. С помощью новых методов исследователи все в больших подробностях узнают сложную «внутреннюю жизнь» реакций — зарождение цепей, их развитие, разветвление, обрыв.

На рубеже сороковых годов ученик «номер один» и старейший товарищ Семенова академик Кондратьев с помощью спектрального анализа впервые «увидел» активный осколок молекулы — «радикал». Его оказалось не так-то просто поймать, ибо срок его жизни — стотысячные доли секунды. Прошло двадцать лет, и новый метод электронного парамагнитного резонанса позволил «разглядеть» частицы, чей век еще короче.

Но угаданы, предвычислены они были издавна.

Природа продолжала твердить свое «да». Как и думал Семенов, цепные процессы широко в ней распространены. Когда его ученики, ныне академики Харитон и Зельдович, в 1939 году впервые опубликовали расчеты цепного распада урана, им во многом помогли представления химической цепной теории. Примечательно также, что регулировку хода процесса с помощью выдвижных стержней, сначала общепринятую в ядерных реакторах, впервые применил сотрудник Семенова А. Б. Налбандян для управления цепной химической реакцией.

Оказалось, что и в биологических процессах играют важную роль осколки молекул — «радикалы». Этим исследованиям также нашлось место в руководимом Семеновым институте.

Книга о цепных реакциях стала книгою судеб целой науки.

Со времен маленькой лаборатории, которую когда-то, в «школе» Иоффе, называли «детским садом», педагогические принципы Семенова не переменились, хотя «детский сад» давно уже сам превратился в большую научную школу. На помочах там никого не водили. Учились друг у друга, вместе обсуждали результаты, намечали пути. Тогда среди них было много студентов, но главным в образовании считалась работа в лаборатории — иногда важнее экзаменов. «Мы учились увлекательной охоте за тайнами природы на самой охоте»,— сказал как-то раз академик Семенов. Кто не поспевал за работой, тот уходил.

Семинары Семенова частенько ошеломляли новичков. «Признаюсь, на первых порах я сидел, открыв рот, не в силах уследить за ходом обсуждения. Уходил с семинара с отчаянным желанием «дорасти»,— говорит В. В. Воеводский, аспирант предвоенной поры. Нынче у себя в Новосибирске академик Воеводский нередко сам проводит семинары «по Семенову» — чтобы начинить «взрывчаткой» идей собственных учеников.

Семинар «по Семенову» — семинар с перебиванием. Звания и заслуги просьба оставлять при входе. Вместе с галошами. Имейте голову на плечах. Впрочем, и при этом условии едва ли кто сравнится с Семеновым в свойстве, которое есть как бы абсолютный научный слух. Ничтожная шероховатость работы, незаметная самому автору, остро ранит его и вызывает вопросы. Он обнаруживает скрытый изъян, точно дефектоскоп. Предупреждая возможную трещину, излучает поток вопросов. Нелегко докладчику под их натиском. Мозг Семенова, как локатор, ощупывает проблему со всех сторон. Мощность его такова, что не может не разжечь дискуссии. Превратившись в свободный спор, семинар так и не добирается до «подведения итогов». Но, оборванный на полуслове, он звучит, как струна. А участники уносят с собой пищу для размышлений.

Это главное свойство ученого — суметь верно поставить вопрос. Потому что поиск ответа в этом случае сводится к перебиранию возможных вариантов. Ведь ответ заключен в вопросе, только скрыт до поры, точно растение в семечке. В оболочках вопросов — десятки идей, которыми широко засевает поле щедрый пахарь. Не в этой ли щедрости причина того, что не раз в молодые годы его упрекали в легкомыслии, принимая за легкость мысли ее скорость?

И когда академик Кондратьев говорит, что при всей горячности Семенова можно вспомнить, пожалуй, лишь одну работу, которая окончилась неудачей,— лишь одну-единственную за всю жизнь — объяснение этому найти нетрудно. Прежде чем поддаться идее — как она ни заманчива,— Семенов непременно включает «локатор».

Ну, а если у вас проклюнулась гениальная мысль, наберитесь мужества и отправляйтесь к Николаю Николаевичу (или просто к «Н. Н.», как зовет его весь институт). Вероятней всего, вам придется не сладко, но лучше отрезвиться вначале, чем потом, когда ложный путь заведет в тупик. Зато если уж вы отбились от наскоков Семенова, считайте, что придумали что-то дельное.

Никто никогда не слышал, чтобы он кого-нибудь наставлял: «Того-то не знаете», «Прочитайте то-то». В институте не так уж ценятся эрудиты. Гораздо больше — творцы. Семенов обучает вас тем, что обсуждает с вами, вы воочию наблюдаете, как он мыслит. Если сможете — спорьте! Вы на равных, безразлично, зелененький ли вы аспирант или без пяти минут академик. Лучший способ учебы — сотворчество.

Впрочем, был такой случай, когда Семенов сказал: «Прочитайте». Он сказал это своему аспиранту Воеводскому, когда тот принес показать ему кандидатскую работу. Выслушав тогда будущего академика, он достал из ящика типографией пахнущий оттиск — собственную свою статью — и сказал: «Прочитайте». Сам ушел куда-то, а аспирант, обнаружив, что в статье изложено то же самое, что в его работе,— читал. Сравнивал. Ждал — вернется Н. Н. и скажет: «Поинтересовались бы, молодой человек, прежде чем браться». А Н. Н., вернувшись, сказал: «Здорово, что вы сами додумались!» И исследователи, независимо друг от друга пришедшие к одному результату, принялись с увлечением обсуждать, что это значит.

Но — забота и горе тому, чьей работой загорится Семенов! Если ему не хватает приборов — будут приборы, если нужны лаборанты — пожалуйста. Но вот если нужен покой, то покоя не будет. На вопрос, который его занимает, Семенов не в силах дожидаться ответа — он его жаждет. Если он догадается среди ночи, как ускорить ответ, он не сможет терпеть до утра и поднимет вас ночью. Если вечером вы с ним обсудили работу — утро начнется с того, что он спросит: «Ну, что нового?» Человеку, который спал ночь, сказать нечего. И человек не спит. И пока получается «новое» — шеф с него не «слезает». Но вот однажды услышит, что нового ничего нет, и другой раз, что опять ничего. И исчезнет. Даже встретит — не спросит. Знает: сам к нему прибежишь, если выйдет что-нибудь интересное.

Говорят, что Семенов на одно не способен в науке — на одиночество. Механизм реакции выяснен: чтобы родилась лавина идей, ему необходимо быть в гуще «активных центров».

Он писал о законах, которые «правят» ученым: первая заповедь — блюсти чистоту науки. Чтобы оценить беспристрастно собственный труд, в который вложена вся его страсть, ученый должен быть как бы врагом самому себе — в этом его трагедия и его величие. Но выбор один — либо будешь врагом себе, либо станешь врагом науки.

Когда после печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ 1948 года инвалид и герой войны доктор биологических наук И. А. Раппопорт вынужден был поступить лаборантом к геологам (правда, он вскоре защитил там кандидатскую диссертацию по новой для себя специальности), Семенов пригласил его к себе в институт, дал возможность заниматься запрещенной генетикой. А ведь эта наука достаточно далека от химфизики! Но Семенов, помимо всего другого, выполнял «первую заповедь» ученого.

Блюсти чистоту науки! Быть беспристрастным. Но не значит — лишенным огня.

Еще одну постоянную страсть пронес Семенов через всю свою жизнь — интерес к огню. Он не гас с той ранней поры, когда гостьям его, гимназисткам, поцарапало малость носы.

Сама идея цепной теории родилась в связи с тем, что он давно размышлял над природой огня. К тому времени, как он столкнулся с «холодным» огнем фосфора, в голове у него составилась уже теория самовоспламенения, или теплового взрыва. Она только нуждалась тогда в подтверждающих опытах, и они не заставили себя ждать. Много лет параллельно с цепными реакциями Семенов и его ученики (в первую очередь академик Зельдович) занимались теорией горения. Как возникает пламя, как и с какой скоростью оно распространяется, как горят взрывчатые вещества, что такое детонация, как происходит сгорание в ракетной камере — на все эти вопросы давала ответы школа Семенова, создавая современную науку об огне.

С древних времен огонь служит людям. Зверь боится огня. Дикарь боялся его и поклонялся ему. Обыватель пользуется им, но с опаской: со стихией не шутят.

А ученый сумел рассмотреть за кажущейся хаотичностью, порывистостью, непокорностью, переменчивостью законы строгие и непреложные, которые правят стихией. И однажды — к слову пришлось — он отозвался о ней фамильярно: «старик огонь».

Когда человеку семьдесят, его не назовешь молодым. А вот так это будет, пожалуй, точно: Старик Огонь.

Разное... разное...

1 ЛЕНИНГРАД—МОНРЕАЛЬ
2 ТЕРЕМА ИЗ ХРУСТАЛЯ
3 ПУТЕШЕСТВУЮТ... КОВРЫ
4 АМУР ПОЛИРУЕТ ВОДОЕМЫ

1

13 апреля из Ленинграда в канадский город Монреаль уйдет комфортабельный океанский лайнер «Александр Пушкин». Он откроет регулярные рейсы по этой новой пассажирской международной линии.

Рейс Ленинград — Монреаль и обратно будет продолжаться тридцать дней с остановками в Хельсинки, Копенгагене, Лондоне. Во время первого рейса на борту «Александра Пушкина» будет производиться специальное гашение почтовых марок и писем. Министерство связи СССР выпустило две новые почтовые марки, посвященные открытию международной линии Ленинград — Монреаль.

А. ГОЛИКОВ

На снимке: океанский лайнер «Александр Пушкин».

Фото В. Басевича.

2

Они пришли не из сказок. Родились эти хрустальные терема в небольшом волжском городке с былинным именем Бор. А выросли на окской круче в городе Горьком Дворец спорта и в Москве, в Сокольниках,— выставочный павильон.

...В прошлом году в лексиконе строителей появилось новое слово — «стеклопрофилит». Выпуск его первым в мире освоил Борский стекольный завод. Директор завода В. С. Щукин, представитель четвертого поколения династии стекловаров, рассказывает: «Новый строительный материал дешев, прочен, имеет хорошую звукоизоляцию, не боится ни мороза, ни жары, создает в зданиях хорошую освещенность... Хотите испытать прочность? Пожалуйста. Положите между двумя стульями тонкий лист стеклопрофилита, метра в четыре длиной, поставьте на него груз. Прокатное профильное стекло выдержит вес в четверть тонны».

Специалисты сомневались: «А как будете сооружать здания? Стекло не металл, его швы не сваришь». Но и с этим справились. Для строительства были применены специальные мастики и прокладки. Стеклянные стены, перекрытия, перегородки стали полностью герметичными. И первым доказал это машинист проката Николай Минеевич Быстров. В коллективном заводском саду соорудил он дачу из бракованных брусков стеклопрофилита. В кипени цветущих вишен засверкал чудесный хрустальный терем.

Это был эксперимент, а позже стеклопрофилит использовали на строительстве горьковского Дворца спорта.

В. МАЛАФЕЕВ

На снимке: хрустальный терем — горьковский Дворец спорта.

Фото В. Бородина.

3

Ковры кишиневской фабрики «Победа» хорошо известны в республике и далеко за ее пределами. Сотканные искусными мастерами, эти ковры радуют богатством композиции, филигранной точностью рисунка, яркими, сочными красками. В минувшем году изделия кишиневских мастеров получили признание на двух международных выставках — в Копенгагене и Лейпциге.

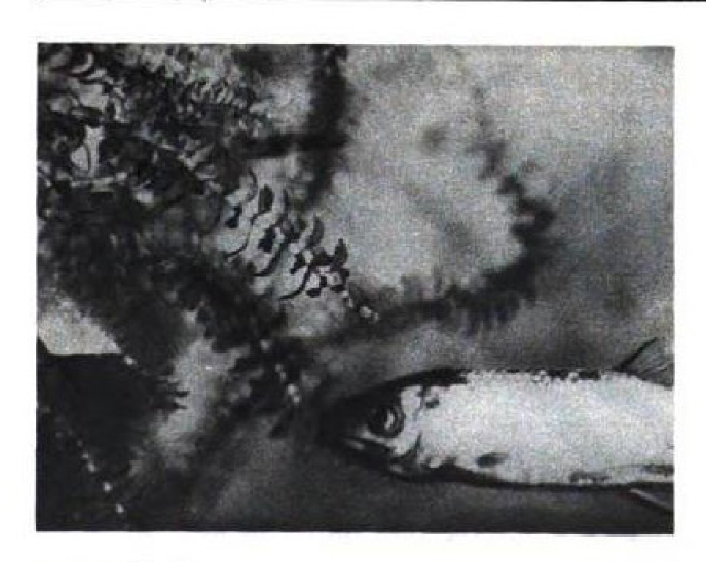
Фабрику пригласили принять участие во Всемирной промышленной выставке, которая откроется в будущем году в Канаде.

На снимке: мастер Мария Мирчева показывает новые образцы молдавских ковров.

В. ЖУРАВЛЕВ

Фото автора.

4

Слыханное ли дело, чтоб энергетики занимались разведением какой-нибудь рыбы? А меж тем это так. Зовут эту рыбу белый амур. Поселили ее по рекомендации ученых Московского университета в водоеме ГРЭС имени Классона.

— Наш спаситель,— говорят о белом амуре работники станции.

Было время, когда водоем-охладитель так быстро зарастал тростником, урутью, элодеей, что хоть останавливай ГРЭС. Растительность, закрывая поверхность водного зеркала, нарушала теплообмен, в конденсаторы поступала недостаточно охлажденная вода. И огромное количество топлива вылетало в трубу. Как ни пробовали очищать водоем, ничего не помогало. Тогда вертолеты доставили с Дальнего Востока рыбу — большую любительницу водяной травки.

Кандидат биологических наук Борис Владимирович Веригин рассказывает:

— Сначала было мало веры белому амуру... Ребятишки бросали ему хлеб. Никто не думал, что этот баловень станет есть тростник. А потом произошло чудо: трансконтинентальный переселенец так отполировал водное зеркало, что на нем и стебелька не осталось.

Началось плодотворное содружество ихтиологов и энергетиков. Появилась возможность, не вводя новых мощностей, увеличить выработку электроэнергии и собрать урожай рыбы. Белый амур выпущен в водоемы Шатурской, Брянской, Ярославской, Змиевской, Среднеуральской, Мироновской и других тепловых электростанций. Его разведение предусматривается проектами новых ГРЭС.

В. БОРОНИН

На снимке: элодея — любимое «блюдо» белого амура.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ:

Нонна, Алексей и Шеф

Понедельник выдался очень дождливым.

Алексей вошел в подъезд института и остановился, чтобы снять плащ и стряхнуть с него воду. Между колоннами было достаточно сухо, а служительница в гардеробной требовала неукоснительного соблюдения чистоты. Вон даже плакат на дверь повесила: «Полы моют не боги, вытирайте ноги». Это кто-то из молодых аспирантов сострил по ее просьбе.

Алексей стоял у колонны. Мужчины плыли сквозь дождь мимо него, похожие в своих черных клеенчатых плащах на тюленей. 8.45, московский утренний час «пик». Изредка проплывали девушки: на них были разноцветные плащи из пластика, и они походили на золотых рыбок — продавщицы соседнего универсального магазина, сотрудницы близлежащего агентства путей сообщения, лаборантки различных институтов, расположившихся в этом районе города. Ни одна из них не улыбалась Алексею, хотя встречались они на этой улице ежедневно. Слишком большой город. Трудно отличить одно лицо от другого. Да и не принято это. Жаль, но не принято. А может быть, слишком много у каждого забот?

Алексей перебросил мокрый плащ через руку и собирался войти в вестибюль, когда одна из девушек вынырнула из дождевой мглы под перистиль института и точно так же сняла прозрачный плащ и встряхнула его. Брызги рассыпались веером, прилипая серебряными шариками к черному костюму Алексея.

— Ах, простите! — рассеянно произнесла девушка.

— Нонна! — сказал Алексей полуудивленно, полуиспуганно.

— Алеша! — Нонна отступила на шаг, продолжая держать плащ в вытянутых руках, словно собиралась закрыться им от Алексея. Алексей видел, что она смущена. Но вот Нонна вздернула голову, смущение исчезло.— Вот так встреча! Хотя, что я говорю, вы же работаете здесь... А почему вы не пришли к нам вчера?

— Вы к Михаилу Борисовичу? — не отвечая на ее вопрос, спросил он. «Хотел бы я знать, у кого из нас более растерянный вид! — думал Алексей.— Пожалуй, у меня! Женщины как-то быстрее осваиваются в самом затруднительном положении». И закончил: — Обычно Михаил Борисович приезжает позже...

— При чем тут папа? — с неудовольствием сказала Нонна.— Я здесь работаю. Разве вы не знаете, что я зачислена инженером в вычислительный отдел?

— Вот как!

— Вас это удивляет? — язвительно спросила она.— А между прочим, я за эти годы окончила институт вычислительной техники.

«Под руководством Бахтиярова!» — хотел он сказать, но не сказал.

— После смерти мужа я поняла, что больше уже не смогу вернуться к прежней профессии.— Голос у нее стал грустным, усталым.

«Какая же я скотина!» — невольно выругал он себя.

— Что же мы стоим? Скоро девять...

Из дождя и тумана выныривали все новые темные и цветные фигуры. Алексей торопливо открыл дверь и пропустил Нонну.

Он еще увидел ее у зеркала, возле которого обычно прихорашивались женщины, работавшие в институте. Нонна провела расческой по волосам, отчего они вскипели золотой пеной.

«Как в хорошем электрофоре!» — привычно прокомментировал Алексей.

И ушла, словно растаяла в толпе, спускавшейся в цокольный этаж, в святая святых института. Там находились все экспериментальные установки. Алексей вздохнул и пошел к себе — на четвертый этаж. Он принадлежал к числу небожителей-теоретиков.

Медленно шел он по лестнице и раздумывал. Их пути снова скрестились. Конечно, Нонна отделена от Алексея несколькими этажами с мощными перекрытиями, блиндированной дверью, бетонной защитой, но эта защита не может остановить Алексея. Она рассчитана лишь на задержку проникающих лучей.

Вот он опустится сейчас на стул, обложится вычислениями и таблицами, а думать станет о ней. И она почувствует беспокойство, еще не понимая, откуда оно происходит. Существует такая наука — телепатия. Не заняться ли Алексею этой наукой, чтобы передать свои чувства и мысли Нонне сквозь все стены и защитные барьеры?

Он так и сделал. Опустился на стул и замер, думая о Нонне. Но телепатия сработала не в ту сторону. Над столом вспыхнула сигнальная лампочка, и по селектору послышался голос Михаила Борисовича:

— Алексей Фаддеевич? Спуститесь ко мне, пожалуйста.

— Иду.

Михаил Борисович ходил по просторному кабинету мягкой походкой тигра. И по тому, как легко он поворачивался, натыкаясь на пустые гладкие стены, Алексей понял: тигр рассержен. В благодушном настроении Михаил Борисович двигался медленнее, ступал тверже, у стены останавливался, словно недоумевая, откуда тут взялось это препятствие. Искоса взглянув на стол, Алексей сразу заметил одну из причин, выведших Михаила Борисовича из себя, об остальных Алексей мог только догадываться: на столе лежал такой же номер журнала, какой прислал вчера Алексею Гиреев.

Михаил Борисович вдруг остановился среди комнаты, спросил:

— Вы видели Нонну?

«Неужели и это одна из причин? Может быть, Нонне не следовало идти в институт, в котором на одном из руководящих постов работает отец?»

— Да, Михаил Борисович.

— Как вам она показалась? — В его голосе слышалось беспокойство.

— Мы перебросились всего двумя-тремя словами. Но, по-моему, у нее очень решительное настроение.

— Вот-вот! Чересчур решительное! — с досадой сказал Михаил Борисович.— И я и мать просили ее повременить, отдохнуть, а она преподнесла нам направление из института вычислительной техники и в тот же день отправилась оформляться. И, пожалуйста, она уже сотрудник!

— Но вы же знали, что она учится... — нерешительно сказал Алексей.

— Что значит знал? Вы помните русские пословицы? Хотя это Чудаков щеголяет ими. Так вот, есть и такая среди них: «Пока баба с печки летит, она семьдесят семь дум передумает». Но я никак не предполагал, что она станет сотрудником нашего вычислительного отдела...

— А почему это вас так расстраивает? Простите за вопрос...

— Задавайте, задавайте! Я скоро открою тут справочное бюро и стану выглядывать из окошка, как кукушка из часов. Иван Александрович спрашивает, Крох спрашивает, даже вы спросили... А что я должен отвечать?

Алексей представил Михаила Борисовича в окошечке старинных часов и невольно улыбнулся. Крупный нос делал его похожим на птицу, но, конечно, не на кукушку. Скорее на орла.

— Скажите, чтобы они обращались прямо к Нонне Михайловне,— сочувственно посоветовал он.— Она найдет, что ответить.

— Советы, советы...— проворчал Михаил Борисович, сел к столу и развернул злополучную книжку журнала. Она раскрылась на статье Ф. Моргана, значит статья была уже неоднократно прочитана. Михаил Борисович уткнулся в нее носом и помрачнел еще больше.

— А не можете ли вы дать совет еще и Ярославу Ярославовичу? — вдруг спросил он.

— Какой? — настороженно спросил Алексей.

— А такой: чтобы он не задерживал открытия, принадлежащие коллективу института.

— Простите, но в задержке публикации виноват скорее Крохмалев. Ведь это он тянул: сначала одно замечание, потом другое, третье... и наконец заявил, что сам проверил наши результаты и никаких ромезонов не нашел.

— Если автор уверен в своем открытии, он публикует результаты опыта независимо от каких бы то ни было критических замечаний! — назидательно произнес Шеф. Затем, немного помолчав, продолжил вдруг с некоторым возмущением: — Или вы хотите лишить Сергея Семеновича права участвовать в свободной творческой дискуссии?

— При чем здесь «свободная творческая дискуссия»? — возмутился, в свою очередь, Горячев.— Во-первых, Крохмалев утверждает, что производил проверку эксперимента по вашему поручению. Во-вторых, ему почему-то так не понравились эти ромезоны, что он не поленился написать объяснение, будто эксперимент проведен «нечисто». А на общепринятом языке «нечистый эксперимент» — это почти фальсификация!

— Ну, вы явно преувеличиваете,— недовольно проворчал Шеф.

— А вы знаете, что Крохмалев отправил все материалы эксперимента в ГДР?

— Зачем?

— Вероятно, для того, чтобы мы не смогли ничего доказать.

— Какое нелепое предположение!

— Но это не пошло ему на пользу,— не обращая внимания на реплику, продолжал Алексей.— Коллеги из ГДР сообщают, что на этом фотоматериале они обнаружили ро-

Продолжение. См. №№ 10—14.

мезоны. Немецкий «Вестник» опубликовал сообщение со ссылкой на нашу работу.

— Почему же мне ничего не известно об этой публикации? Или вы хотите сказать, что Сергей Семенович...

— Сергей Семенович вовсе не ошибался. Он видел наши частицы. Он просто отомстил за то, что Чудаков отказался включить его в список авторов этой работы.

— Какие же основания у вас имеются, молодой человек, чтобы делать такие серьезные выводы? — строго сказал Шеф.

— Крохмалев прямо потребовал, чтобы Чудаков включил его в список соавторов.— Алексей почему-то не решился сказать о требовании включить и самого Шефа.— Чудаков сообщил, что это было у него на квартире. Крохмалев приходил к нему, и разговор шел с глазу на глаз.

Михаил Борисович провел рукой по волосам, по лбу и с каким-то странным облегчением сказал:

— Чудаков наверняка что-нибудь не так понял. И вообще, вы же знаете его склонность все преувеличивать!

— Что же, надо включать магнитофон, когда кто-нибудь из коллег приходит в гости?

— А хотя бы и так!— обрезал Михаил Борисович. Но он быстро взял себя в руки и продолжал уже мягким, убеждающим голосом: — И вообще, дорогой Алексей Фаддеевич, зачем вы проявляете такой нездоровый интерес к проблемам, для понимания которых у вас нет ни опыта, ни призвания? Жизнь так сложна, что вы только запутаетесь в них и наживете себе массу неприятностей. Занимайтесь лучше своей теоретической физикой. У вас впереди блестящая карьера, если вы будете достаточно терпеливым и осторожным. А политикой пусть занимаются другие. Вот и Крохмалев, будь он вашим соавтором, по крайней мере не упустил бы открытия из своих рук. Какая вам в конце концов разница, сколько у вас будет соавторов? Важно, что это сделано в нашем институте! И что вы наваливаетесь на Крохмалева? Крохмалев, Анчаров, Подобнов — старейшие сотрудники нашей лаборатории. Разве они не участвовали в вашем воспитании, в подготовке молодежи к научной работе? Вы просто оплачиваете свой долг!

— И в порядке оплаты долга я и Чудаков должны приписывать их имена к нашим работам?— не унимался Горячев, хотя уже не чувствовал той решительности и уверенности, которая была у него до начала разговора.

— Ну, уважаемый Алексей Фаддеевич, предоставьте уж мне решать, кому и сколько листиков от общего лаврового венка вручать при окончательной оценке работы, а пока отыщите мне эту ссылку «Вестника». Надо немедленно ликвидировать недоразумение.

— Хорошо, я спрошу у Чудакова,— покорно ответил Алексей.

— Опять этот Чудаков! Плохого консультанта вы себе выбрали. Не доведет вас до добра эта дружба!— услышал он, закрывая за собой дверь.

«Красов чего-то боится!» — подумал Алексей.

Никаких внешних причин для боязни как будто не было. Уже давно в институт не наведывались проверочные комиссии. Деньги отпускались своевременно и в достаточном количестве: их с избытком хватало даже на постоянные солидные премии почти каждому сотруднику лаборатории в размере его месячного оклада. Работы печатались. Одних работ Горячева и Чудакова в соавторстве чуть ли не со всеми сотрудниками лаборатории вышло за последний год около десятка. Больше того, почти все работы докладывались на международных конференциях. Вот и Алексея удостоили наконец заграничной командировки в Женеву. Правда, в роли основного соавтора и докладчика выступает всегда Крохмалев, а Чудаков почему-то ни разу не побывал на столь высоких ассамблеях. Но Ярослав, кажется, и не рвется туда. Во всяком случае, никакого беспокойства или претензий с его стороны нет. Но что же тогда беспокоит Шефа? Что?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ:

В преисподней

Он спустился к Чудакову.

Предупредительные сигналы опасности были выключены — вместо красных маяков горели зеленые: ускоритель не работал. Но Горячев, прежде чем войти в зал, предусмотрительно снял с руки часы, пошарил по карманам и извлек из них ключи от квартиры, перочинный ножик и забытый в кармане гвоздь. Вчера пытался повесить на стенку купленный в магазине на Ленинском проспекте эстамп — на оранжевом фоне лимон и цветы в вазе,— но бетонные плиты, из которых сложен дом, оказались непробиваемыми. А гвоздь Алексей, по рассеянности, сунул в карман, и хорошо еще, что обнаружил сейчас. Магнитное поле ускорителя так велико, что стоит приблизиться к этим установкам — и такой вот забытый гвоздь немедленно зашевелится в кармане... Был же у них в институте случай, когда один из посетителей упал возле ускорителя в обморок. Оказалось, осколок мины, оставшийся в легком со времен войны, сдвинулся под воздействием магнита и нажал на артерию...

Выложив все свое металлическое хозяйство на столик дежурного, Алексей прошел в машинный зал.

Конечно, Чудаков опять что-то настраивал. Алексея каждый раз поражал внешний вид приятеля. Даже здесь, в святая святых института, на своем рабочем месте, где десятки людей подчинялись каждому его жесту, Чудаков был гораздо более похож на взъерошенного подростка, нежели на молодого ученого. Черный вихор над его смуглым лбом торчал, как всегда, воинственно, маленькие цепкие руки непрерывно двигались, будто искали точку опоры.

Возле Ярослава топтался молчаливый и внешне неуклюжий Валька Коваль, ныне уже техник-лаборант, влюбленный и в Чудакова и в ускоритель, неизвестно, в кого больше. Этот рыжеволосый детина с простодушным лицом и руками фокусника — так они были ловки и удачливы — улавливал желания Чудакова даже не по словам и жестам, а по выражению лица. Вот Чудаков скосил глаза на счетчик Черенкова, и Валька, чуть притронувшись к талям, повернул аппарат, и, как видно, именно на столько градусов, на сколько требовалось Чудакову. Чудаков покосился на пузырьковую камеру — толстостенный металлический ящик с боковыми стеклами,— и Коваль поспешно перебрал кнопки манипулятора,— тяжелое сооружение начало вращаться, и вот уже камера встала боком прямо под дуло коллиматора, из которого в нужную минуту вырвется тонкий пучок протонов и пройдет через входной фланец камеры, чтобы, соударяясь с атомами рабочей жидкости, оставить свой след в виде тонкой прерывистой цепочки пузырьков.

Уже много лет работает Алексей в этом институте, но каждый день разглядывает мощные машины и аппараты с неослабным вниманием. Ведь они созданы только для того, чтобы обнаружить невидимое! И сам ускоритель — круглое сооружение в шесть метров высотой и в десятки метров в диаметре, снабженное мощнейшими магнитами, в котором невидимые частицы приобретают огромную скорость,— все еще поражает его воображение. А частицы? Вот они ускорились по спирали за три миллионных доли секунды, получили энергию, достаточную для того, чтобы пробить эти толстые бетонные плиты и чугунные ограждения, прорезали, подобно световому лучу, мрак пузырьковой камеры и дали знать о себе вспышками сцинтилляционных счетчиков, импульсами тока на выходе фотоумножителей. Вот они уловлены, сфотографированы, их путь зафиксирован от рождения до гибели, хотя весь этот процесс порою длится миллионную долю секунды... Как же не гордиться тебе, человек, делом рук твоих!

Эти возвышенные мысли никогда не оставляли Алексея, едва он спускался в святая святых института, как он именовал про себя машинный зал. А вот Чудаков, который день за днем ловил эти частицы, ничем не восхищался, и самый зал, в котором расположен ускоритель, называл не иначе, как «преисподней». Да еще посмеивался над «романтизмом» Алексея, отвечая на его вопросы, продиктованные наивным восхищением:

— Мы хоть имеем дело с материальными и вполне ощутимыми приборами, а вот как вы, теоретики, угадываете в разрушенном ядре не только те частицы, которые мы видим, но и такие, о которых мы и не догадываемся?— И взглядывал лукаво прищуренным глазом на Алексея, так что тот поневоле смущался. И, довольный, небрежно прибавлял:

Николай АСАНОВ

СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТЬ С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

Рисунок П. Пинкисевича.

— Впрочем, часто ли у вас это получается?

Но сегодня Чудаков был мрачен, Коваль вообще походил на гробовщика, и Алексей понял: все, что происходило наверху, уже донеслось сюда в виде отдаленного грома. И как бы ни пощелкивали счетчики, сколько бы доказательств существования вновь открытых частиц ни получили Чудаков и Коваль, в сущности, они лишь проверяют открытие Ф. Моргана, тогда как это Ф. Морган должен был проверять их открытие.

— Послушай, Ярослав, ты говорил, что в «Вестнике» физического института ГДР было упоминание о наличии следов ро-мезонов в нашем фотоматериале?

— Собираются отстаивать приоритет? Не поздно ли? — сердито спросил Чудаков.

— Михаил Борисович просит отыскать эту ссылку,— не ввязываясь в спор, сообщил Алексей.

— Одиннадцатый номер «Вестника». Впрочем, фотокопии у меня, кажется, здесь, в столе.

— Но одиннадцатый номер — это ноябрь! У них же «Вестник» ежемесячный.

— Ну и что? Кроха и сам Шеф так крепко зажали нашу статью, что мы опоздали с публикацией на полгода.

— Но если «Вестник» ссылался на нашу работу...

— А, теперь это меня уже не интересует! Пусть думают те, кто сидит наверху.— И совершенно непоследовательно спросил: — Слушай, Алексей, ты как-то говорил, что нужно искать анти-ро-мезоны. Ты еще не отбросил эту мысль?

Алексей с удивлением взглянул на друга. Тот настороженно ждал. Нечаянно Алексей перевел взгляд на Коваля и поразился, как изменилось у техника выражение лица: он стал похож на доброго пса, застывшего в стойке. И Алексей понял: эти чудотворцы уже удовлетворились первой победой, насытились ею. Им хочется продолжать поиск, но в другом направлении. Ярослав все еще выжидательно молчал.

— Я подумаю...

— Понимаешь, нам нужны не раздумья, а теоретические оценки. Расчеты нам нужны: интенсивность, энергия, предполагаемый угол рождения, угол аннигиляции... Тут,— Ярослав осторожно, с какой-то странной боязливостью указал на пузырьковую камеру, окруженную фотообъективами,— тут какая-то чертовщина дает явный эффект. Может быть, это и есть отрицательные анти-ро-мезоны, а возможно, это какие-то совсем иные частицы. Ночью мы проявим фотографии, но если бы ты посчитал сегодня...— Голос его стал умильным, как будто он уже собрался на охоту и только от Алексея зависело, будет ли у Чудакова заряженное ружье.

А Горячев в это время думал, что для получения нужных оценок придется идти к счетной машине, а там теперь Нонна... Чудаков этого еще не знает, да и говорить ему об этом незачем. Пусть скажет кто-нибудь другой, но идти туда Алексею придется самому. Алексей поморщился, словно у него заныл зуб, сказал:

— Хорошо, я пересчитаю все снова...

— Только ты не откладывай, пожалуйста! — заторопился Ярослав.— Я вас, теоретиков, знаю. Вам подавай вдохновение! А у меня материал горит. Ты знаешь, сколько фотографий за эту неделю мы сделали? Около двадцати тысяч!

— Давай фотокопию из «Вестника», и я пойду рассчитывать...

Коваль остался отмечать показания счетчиков, а Ярослав повлек Алексея почти бегом в свою каморку в цокольном этаже. Там он расшвырял какие-то бумаги, фотографии и наконец подал с совершенно безразличным видом фотографию страницы из «Вестника». Ему все это было уже ни к чему. И Алексей понял: Ярослав увидел в своем фотоматериале что-то новое. Иначе зачем бы ему делать столько снимков?

Алексей снова поднялся к Шефу и положил на стол «вещественное доказательство». Михаил Борисович уставился в фотокопию настороженным взглядом.

Немецкий ученый сухим, бесстрастным языком протокола писал: «В переданном нашему институту фотоматериале советских ученых Горячева и Чудакова по поводу обнаружения новых частиц, названных этими учеными ро-мезонами, вопреки мнению их коллеги советского ученого Крохмалева, утверждающего, что новых частиц он не видел, в трех случаях ро-мезоны идентифицируются совершенно надежно. Масса, энергия и угол вылета совпадают с теоретическими вычислениями Горячева...»

— Но это же как раз то, что надо! — с неожиданной пылкостью воскликнул Михаил Борисович.

— А вы уверены, что это так необходимо нашему Крохмалеву? — подчеркнуто добродушно спросил Алексей.— Как же он подпишет работу, для обоснования которой придется включить и эту справку?

— Ну, Сергею Семеновичу я выдал все, что ему положено!

— Однако приказа о его увольнении или объявления о том, что он отныне «персона нон грата», я не видел,— попробовал пошутить Алексей.

— И не увидите! — внезапно разъяряясь, воскликнул Михаил Борисович.— Не знаю, почему он стоит у вас поперек горла, а мне он нужен! Понимаете?

— Еще бы! — вспылив в ответ на эту непонятную ярость, воскликнул Алексей.— Но в какой роли он вам нужен? Как ученый или как передаточный механизм для ваших мыслей и желаний?

— Прошу не забываться, Алексей Фаддеевич! — вдруг грозно и высокомерно отрезал Михаил Борисович. И Алексею ничего не осталось, как попросить разрешения вернуться к своей работе.

Так он и сделал.

Простота отношений с начальством, которая столь приятна для любого младшего сотрудника, тоже должна иметь свои пределы. Так будет лучше и для младших и для старших.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ:

Встреча с прошлым и взгляд в будущее

Алексей не любил заходить в вычислительный центр. Надо было отвечать на просительную улыбку Веры, придумывать причины, которые мешали встретиться с нею, а ведь прошел уже почти год, во всяком случае, больше десяти месяцев, как Алексей прекратил эти безрадостные отношения. Но Вера все еще ждет чего-то...

Впрочем, сейчас, может быть, не ждет: ведь она увидела Нонну!

А когда-то Вера занялась его спасением. В первый год после отъезда Нонны в Ленинград Вера требовательно предложила ему и дружбу, и заботу, а потом и свою непылкую любовь, в которой было больше от материнского чувства к заброшенному и обиженному, чем страсти. Она не знала Нонну, но сумела выспросить у Алексея о ней все. Наверно, расспрашивала и других, потому что Алексею скоро стало казаться, что Вера знает о Нонне больше, чем он сам, чем родители Нонны. И она никогда не осуждала Нонну. Если Алексей сам принимался обвинять Нонну во всех грехах, Вера слушала с удовольствием, но никогда не забывала рассудительно посетовать, не преувеличивает ли он. Она словно боялась, что когда-нибудь Нонна снова встретится на пути Алексея и тогда Алексей не простит Вере того, что так сурово разговаривал при ней о своей первой любви.

Она была не очень красива, Вера,— маленькая, с утиным носиком, сухими губами, невыразительными глазками, но фигурка у нее была ловкая, руки нежные, сердце терпеливое. Ведь она знала, что Алексей не любил ее, а вот возилась с ним, пытаясь «сделать из него человека». Она так и говорила:

— Подожди, Алеша, я еще сделаю из тебя человека!

Делала это она по-своему. У нее был культ физического здоровья. Она была убеждена, что дурное настроение возникает от отравления человека токсинами, от кислородного голодания, от плохо приготовленной пищи. Теперь Алексею кажется, что Вера отказалась от своей слишком уж прямолинейной теории. Это произошло после того, как Алексей вышел из подчинения, перестал встречаться с нею, стал ссылаться на занятость работой, даже на тиранию Михаила Борисовича. Вера как-то увяла, поблекла. Не помогла ей теория «физического здоровья». Но раньше, когда Алексей хватался за ее чувство, как утопающий за соломинку, она была очень привлекательной.

Вера учила его жить полнокровно. Она первая обратила внимание на то, что Алексей все свободное время проводит за книгами. А свободным временем он считал то, когда не занимался в институте вычислениями. Вера заставила его купить лыжи и повезла за город на прогулку. Лыжи были горные, они даже понравились Алексею, пластмассовые, желто-красные, с металлическими полосками по бокам, с жестким креплением. Вера беспощадно тащила Алексея за собой сначала пять километров, потом десять, заставляла его скатываться с гор и пригорков, довела до того, что он вывихнул ногу, а потом дежурила около него две недели, пока опухоль спала и Алексей снова смог ходить.

В конце концов Алексею даже понравилось это времяпрепровождение. Он научился отличать лето от зимы, стал плавать, отправлялся в бездумные туристические походы с рюкзаком за плечами и пробегал по двадцать километров на лыжах. Одному он так и не научился — любить Веру...

Аннушка и Чудаков думали, что Алексей вот-вот женится на Вере, да и сама Вера, должно быть, ждала этого, но Алексей захандрил, перестал заходить в вычислительный центр иначе, как по делу, на каждую Верину просьбу о встрече отговаривался работой, а когда она перестала верить отговоркам, стало еще хуже, потому что он начал отвечать сухо и даже резко. И Вера перестала звонить...

Когда Алексей появлялся в вычислительном отделе, где Вера работала сменным техником при машине, он всегда встречал ее жалкую, просительную улыбку и привык входить туда с мрачно отсутствующим видом, держаться надменно, вызывая всеобщее недоумение: ведь все знали, что он добрый человек. И все жалели Веру и сердились на Алексея.

А теперь там еще и Нонна...

Войдя в вычислительный отдел, Алексей прежде всего увидел Нонну.

У Нонны была странная особенность: где бы она ни находилась, сколько бы ни было вокруг людей, прежде всего замечали ее одну. Вот и сейчас Алексей прежде всего увидел ее стоящей среди девушек-программисток и о чем-то оживленно беседовавшей с ними. Алексей повел глазами направо и налево и с трудом отыскал Веру. Вера была бледна, еще более незаметна, но ни просительной улыбки, ни ищущего взгляда Алексей не увидел. И когда Алексей пересек зал, направляясь к главному инженеру, Вера тихо ушла за стеллажи, на которых мигали живые огоньки «памяти» машины.

В этот зал, защищенный тяжелыми бетонными сводами, не доносилось ни звука. Вычислительная машина, занимавшая большую часть зала своими пультами управления, хранилищами «памяти» с магнитофонными лентами и иридиевыми барабанами, стеллажами и ящиками, в которых заключены тысячи радиоламп и полупроводниковых устройств, требовала полной тишины для работы. Люди тут разговаривали вполголоса, обмениваясь непонятными замечаниями, поглядывая на мерцающие осциллографы, на вспыхивающие цветные сигналы: зеленые — когда все шло хорошо, красные — если какая-нибудь связь в машине нарушалась. Из печатающего устройства торопливо ползла непрерывная лента

и свертывалась в рулон, «читающий» аппарат переворачивал перфорированные карты вопросов и проводил по ним электронным щупом, почти так же, как слепой человек читает пальцами книгу, напечатанную по системе Брайля — выпуклыми знаками. Кто-то только что задал машине большую работу, и машина добродушно ворчала через динамик, поставленный на пульте, выговаривая звуки, похожие на сигналы марсиан, как их описывал Уэллс: «Улла-улла-улла-улла!»

Как ни неприятно было Алексею заходить в вычислительный отдел, но работать с вычислителями он любил. Чем сложнее придумывал он задачу, тем добродушнее ворчала машина. Иногда звуки динамика начинали литься, словно симфония, и Алексею нравилось записывать за машиной эту неожиданную музыку. Но если Алексей допускал какую-нибудь ошибку, машина, сбившись с ритма, начинала так гневно рычать, что главный инженер — низенький, черный, густо-курчавый человек с толстыми добрыми губами — испуганно выключал все агрегаты и потом еще долго стыдил Алексея за неправильно поставленный вопрос. Порой Алексею казалось, что главный инженер и сам побаивается своей машины: мало ли что она может выкинуть!

— Что у вас?— нетерпеливо спросил главный инженер, глядя на плотную пачку карточек в руке Алексея. Ему не нравилось, когда машине давали слишком много задач, а у Горячева этих задач всегда было невпроворот, и все срочные.

— Опять ро-мезоны,— с виноватой усмешкой ответил Алексей.

— С этими задачами обращайтесь теперь к Нонне Михайловне!— суховато сообщил инженер и окликнул ее:— Нонна Михайловна! Вот Алексей Фаддеевич Горячев! Он по вашему ведомству. Знакомьтесь!

— Мы знакомы с Алексеем Фаддеевичем,— ответила Нонна, отходя от девушек-программисток.

Алексей заметил, как тускло зазвучал ее голос, как все оживление, с которым она болтала с девушками, словно смыло с ее лица.— Прошу, Алексей Фаддеевич, ко мне!— И медленно пошла в дальний угол, который Алексей всегда помнил пустым. Теперь в углу стояли письменный стол, ящик перфоратора, буквопечатающий аппарат, похожий на телеграфный. Вдоль стены протянулось несколько шкафов и книжных полок, на одной из полок сияло маленькое зеркало, на письменном столе — в колбе — букетик увядающих подснежников.

— А вы неплохо устроились!— небрежно сказал Алексей.

— Это все они.— Нонна кивнула в сторону программисток.— Я уже привыкла обходиться без цветов.

Этими словами она как бы сразу отрезала все постороннее и заговорила более оживленно:

— Можно взглянуть на ваш вопросник? — решительно перехватила карточки из руки Алексея и стала проглядывать их.— Так, так! Вот здесь надо разбить последовательно на ряд заданий...— И странное, отвлеченное от встречи, от прошлого оживление снова окрасило ее бледное лицо.

Затем она вдруг пытливо подняла глаза на Алексея, спросила:

— Это работа для моего отца?

— Почему вы так думаете?

Она не обратила внимания на его явное недовольство. Продолжая перебирать карточки, остановилась на одной, пожала плечами:

— Тут же должен быть знак плюс!

Он взглянул, перечитал вопрос, сухо спросил:

— А вы уже проникли во все тонкости ядерной физики?

— Если вы будете и дальше так же любезны со мной, я перейду к другому учителю.

— Простите!— Он смутился, но не хотел сдаваться.— А почему, собственно, вам не нравится этот отрицательный знак?

— Потому что тут явная ошибка! Если вы хотели проверить, понимаю ли я ту работу, за которую взялась, вам следовало бы просто переписать вопросник Крохмалева. А вы ставите загадочный отрицательный знак перед явно положительной величиной, а потом будете утверждать, что я все напутала в вашем вопроснике!

Сначала он подивился только тому, как остро ей хочется успеха на новой работе. Лишь потом до него дошел смысл ее упрека: почему он не переписал вопросник Крохи? Тут он сразу забыл, что хотел извиниться без всякой вины, и сердито потребовал:

— А ну-ка, что за вопросник дал вам Кроха?

Она взглянула подозрительно, но ответила довольно кротко:

— Вопросник Крохмалева в машине.

Алексей резкими шагами пошел прямо к машине, и она последовала за ним.

Алексей остановился у печатающего устройства, считывая быстро набегающие строки ответов машины. Вопросы действительно были удивительно похожи на те, что принес сам Алексей. Опять ро-мезоны, их соударения, угол вылета из мишени.

Нонна стояла за его спиной, он слышал ее дыхание.

— Глупо!— сказал он.— Кроха снова допускает те же ошибки: не учитывает два электрино, которые выделяются при соударении...

В этот миг динамик машины вдруг взвыл яростно и зло, голубой экран осциллографа

ВЕЛИКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ И ДЕМОКРАТ

Во времена, о которых мы рассказываем, в низовьях Дона стояли два самостоятельных в ту пору соседних города: армянский — Нахичевань и русский — Ростов.

В Нахичевани-на-Дону 14 ноября 1829 года родился Микаэл Налбандян. Горестная и светлая судьба выпала на долю его. Черноволосому, вдумчивому мальчику, впервые открывшему глаза на мир в донской степи, суждено было с годами стать одним из духовных отцов родного армянского народа.

На Дону Налбандян написал первые стихи и выразил в них свое отношение к окружающему миру. Пусть они, эти стихи, еще несовершенны, но в них трепетно бьется сердце подростка, не понимающего, почему одни люди живут в свое удовольствие, а другие надрываются за кусок хлеба. Пройдут годы, и тридцатилетний поэт даст ответ на эти вопросы в своем знаменитом стихотворении «Свобода».

Чтобы иметь возможность шире видеть жизнь, выезжать за пределы родного края, бывать в других городах, Микаэл поступает на должность секретаря в Нахичеванскую епархию. Ее территория простиралась на сотни и сотни километров, включая отдаленную от Дона Бессарабию.

Мир, в который входит юноша, раздвигается. Все больше встреч, все больше незнакомых городов... Но, странное дело, города незнакомые, а нравы, царящие в них, ему хорошо известны. Как это похоже на быт его земляков! Несправедливость, которую он видит в Нахичевани, оказывается, всюду рядом с людьми. И он пишет, пишет острые, колючие стихи. Они больно бьют власть предержащих, и те, не скрывая своей ненависти, с презрением посматривают на «дьячка». Он отказывается от духовного звания и смело бросается в бурное море жизни. Преследуемый церковниками и властями, он бежит из Нахичевани в Москву, его влекут идеи Чернышевского, Добролюбова, Герцена. Но разве так легко вырваться из сетей мракобесов в рясах?! Нахичеванский архимандрит поднимает на ноги самого католикоса армянской церкви и «сиятельнейшего» графа Воронцова — царского наместника на Кавказе. Налбандяна ищут. И Микаэл Лазаревич вынужден из Москвы перебраться в Петербург, где экстерном сдает экзамены при восточном факультете университета. Он лично знакомится с видными представителями русского демократического движения.

Между тем его продолжают преследовать церковники. Налбандян возвращается в Москву и поступает преподавателем армянского языка в известный в то время московский Лазаревский армянский институт. Полиция арестовывает его и заточает в тюрьму.

Вырвавшись из тюрьмы, он еще больше погружается в революционную борьбу. Круг его друзей — свободомыслящие люди, литераторы, отстаивающие интересы народа. Он как бы снова открывает для себя все благородство передовой русской литературы, гордится ею.

Каждая строчка, написанная Микаэлом Налбандяном и в прозе и в поэзии, проникнута ненавистью к эксплуататорам, одухотворена революционными идеями, любовью к труженикам, страстно призывает к борьбе за свободу народа.

Именно эту пламенную революционность Микаэла Налбандяна как поэта и как мыслителя, его неразрывное, кровное родство с русской, в частности с донской, землей имел в виду Михаил Александрович Шолохов, когда в связи со 125-летием со дня рождения Налбандяна писал:

«Русский народ глубоко чтит имя Микаэла Налбандяна — выдающегося просветителя армянского народа, пламенного борца за счастье трудового народа, революционного демократа, единомышленника Белинского и Чернышевского, Герцена и Огарева.

Армянин по национальности, он был моим земляком, и я склоняю голову над прахом великого сына армянского народа и мысленно твержу его слова:

«Свобода! — восклицаю я.—
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не страшусь,
Пусть враг меня смертельно
ранит,
Пусть казнью, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, взывать
И повторять: «Свобода!..»

Борьба за освобождение угнетенных становится жизненной целью Налбандяна.

В самоотверженной деятельности передовых людей русского общества Налбандян прозорливо видит не только свободу русских, но и освобождение трудовых людей Армении. «...Зарождающуюся в России свободу,— пишет он,— смело можно назвать человеческой свободой. Свобода России имеет огромное значение для свободы всего человечества».

Его восхищает деятельность Герцена и Огарева в Лондоне, он ревностно следит за их борьбой, зачитывается «Колоколом». Налбандян едет в Лондон, к тем, кого он давно хочет видеть,— к Герцену и Огареву. Так завязывается нерасторжимая дружба единомышленников. Сын Нахичевани счастлив: он включается в общую борьбу русского революционного центра в Лондоне.

С доверительным поручением Герцена Налбандян возвращается в Петербург. Летом 1862 года Александр II подписывает приказ об аресте Налбандяна.

Три года прошло в страшном заточении. Сраженного чахоткой Микаэла Лазаревича высылают в город Камышин. Здесь 13 апреля 1866 года, на тридцать седьмом году жизни, он скончался.

Микаэл Налбандян не прожил того, что мог прожить, недолюбил ту, которую нежно назвал Россией. Он всего себя отдал грядущей Революции.

Михаил АНДРИАСОВ

замигал и прочертился молниями, затем на нем выплыли два слова: «Крохмалев — дурак!»

Алексей засмеялся. Это была новинка. Программистам надоело получать выговоры за перебои. Но перебои зависели от того, правильно или неправильно поставлены вопросы, вот они и «научили» машину высказывать их мнение об авторах неверных вопросов и задач. Машина продолжала рычать, слова на экране забавно выгибались и плясали, а Крохмалев как раз вошел в зал. Увидав на экране краткую оценку своей деятельности, Крохмалев грохнул кулаком по пульту:

— Прекратите безобразие! Это вам даром не пройдет!

Главный инженер выключил машину. Погасли лампы, погасла и фраза на экране. Главный инженер меланхолически сказал:

— Оценку дала машина. И предупреждаю: за всякую неверно поставленную задачу она будет давать оценку по пятибалльной системе.

— И академику и Михаилу Борисовичу? — засмеялся Алексей.

— Они сюда не приходят,— без юмора ответил главный.

— А вы что здесь делаете, Божий человек? — сердито спросил Крохмалев.— Вас ждет Шеф.

— Я только хотел исправить вашу ошибку, уважаемый Крох. Вы опять забыли об электрино.

— А что это за карты? — подозрительно спросил Крохмалев, тыча толстым пальцем в пачку, которую держала Нонна.

— Собираюсь узнать, есть ли жизнь на Марсе! — сказал Алексей.

— Все шутите?

— Нет, вспомнил совет Михаила Борисовича.

— Какой еще совет?

— Что разговаривать с вами о делах можно только при включенном магнитофоне.

— Что это значит? — с каким-то трусливым раздражением выпалил Крохмалев.

— А помните ваш разговор с Чудаковым у него на квартире?

— Он что, включал магнитофон? — быстро, не удивляясь, спросил Крохмалев.

— Тогда нет, а теперь включит!

Крохмалева сразу словно подменили. Он выпрямился, на лице воссияла победительная улыбка.

— Шантажировать собираетесь? — насмешливо спросил он.— Не выйдет! И вообще этот недостойный разговор станет предметом обсуждения на партбюро. Вы еще об этой сплетне пожалеете.

— Вы ведь беспартийный, Кроха!

— Зато вас скоро должны принимать в партию! — напомнил Крохмалев.

И, гордо вскинув голову, как боевой конь при звуке полковой трубы, удалился, забыв даже захватить свой вопросник и ответы машины.

Алексей смотрел ему вслед и размышлял, стоит ли задавать свои вопросы машине. Кроха непременно прибежит сюда, как только Алексей уйдет. И, как он ни глуп, кое-что поймет. Он уже собирался взять вопросник у Нонны, чтобы прийти попозже, ночью, когда у машины останутся только дежурные. Ночью машина работает по заказу разных ведомств. Если придут геодезисты, это свои ребята, они дадут Алексею полчаса машинного времени...

— Зачем вы с ним так? — вдруг спросила Нонна.

Он взглянул на нее и удивился: Нонна была явно расстроена.

— Не люблю крохоборов ни в жизни, ни тем более в науке! — резко ответил Алексей.

— Берегитесь, он очень опасный человек!

В этом было что-то новое. До сих пор Нонна была мила с Крохой.

— Дайте мне вопросник,— невпопад сказал Алексей.

— Не бойтесь, Кроха его не увидит,— тихо ответила Нонна.

Продолжение следует.

А. Пластов. ДЕРЕВЕНСКИЙ МАРТ

А. Пластов.

ВЕСНА

РАССКАЗ СКУЛЬПТОРА

— Это только первая работа, не судите строго,— предупредил меня Андрей Петрович, снимая со скульптуры влажное полотно.— Вы знаете, Сергей Павлович не терпел позировать. Несколько этюдов, вылепленных мною, когда он посещал нас, чтобы ознакомиться с ходом работ,— вот и все, чем я располагал. Мы всегда были рады приходу академика Королева. Незаметно он стал душой нашего дела. Это вдохновляло нас. А советы его? Без его советов мы просто не смогли бы работать. Мы, например, никогда не видели стартов космических кораблей.

Эта беседа со скульптором А. Файдыш-Крандиевским — одним из авторов широко известного обелиска, установленного в Москве в ознаменование великих достижений в освоении Вселенной,— состоялась совсем недавно у него в мастерской. Мне стало известно, что покойный академик С. П. Королев, крупнейший ученый, конструктор первых искусственных спутников Земли и космических кораблей, много помог авторам в создании обелиска. А. Файдыш-Крандиевскому посчастливилось в те годы сделать несколько этюдов головы ученого. Интерес к ним и привел меня в мастерскую ваятеля.

— Когда вы впервые познакомились с академиком?

— В 1961 году, поздней осенью. Вскоре после того, как мы оказались победителями конкурса на лучший проект обелиска и нам предложили разрабатывать нашу идею в металле и граните. Все мы — архитекторы М. Барщ, А. Колчин и я — горячо взялись за дело. Я начал лепить рабочую модель статуи К. Э. Циолковского и параллельно обдумывал композицию двух больших горельефов. Сейчас их можно видеть в основании монумента.

...Я увидел коренастого человека, одетого в коричневую дубленку.

— Королев,— представился мне ученый. И сразу же начал: — У меня есть замечания к вашему эскизу...

Как только я взглянул на фотографии, которые держал в руках Сергей Павлович, то понял, что разговор о том, какими должны быть горельефы, пока беспредметен. Я не знал, как к Сергею Павловичу попали эскизы — самые черновые, самые предварительные,— но судить по ним о нашем творческом замысле было почти невозможно. Объяснил ситуацию моему собеседнику. Тем не менее его замечания мне пригодились. Прощаясь, ученый сказал:

— Если вам понадобится моя помощь, я к вашим услугам. У вас есть мои телефоны?

Как на грех, ни у кого не оказалось бумаги. Где-то нашли клочок обертки, и Сергей Павлович написал мне номера служебного и домашнего телефонов. Берегу их как дорогую для меня реликвию. К сожалению, не сохранил еще одного «автографа». Много позднее академик пришел посмотреть горельефы, которые я заканчивал в глине. Внимательно рассмотрев фигуры людей, различные атрибуты, неожиданно для меня решительным движением руки изменил форму одной детали. Я посмотрел на него с недоумением. Он улыбнулся и сказал: «Так правильнее».

— Да, жаль, «автограф» любопытный.

— Сергей Павлович оставался тогда в мастерской около часа. Я и решил вылепить несколько этюдов. На просьбу посидеть хотя бы пятнадцать минут он категорически отказался. Мне удалось внимательно, или, как говорят, профессионально, рассмотреть его красивый, благородных форм лоб, густые темные брови, под ними карие поблескивающие глаза. Я их видел и строгими и веселыми, но никогда безразличными. С какой-то особой увлеченностью говорил он об изучении Вселенной, твердо верил, что она будет служить человечеству — его настоящему и будущему. С щедрым вниманием относился ученый к созданию монумента. Мы понимали его. Сергей Павлович был человек, для которого космонавтика, проникновение в космос составляли весь смысл его научной деятельности, всей жизни. И потому все, что относилось прямо или косвенно к этой цели, всегда волновало его. Он не раз говорил, что ему очень хочется, чтобы монумент стал произведением искусства, в котором документальность сочеталась бы с подлинно художественной образностью. Очень интересовала академика статуя Циолковского.

— Расскажите об этом.

— Для него великий калужанин был не только ученым, так много сделавшим для развития космонавтики, но и идеалом преданности человека своему делу. Об этом он не раз говорил во время наших встреч при обсуждении проекта. Припоминаю такой факт. В мастерской стояло несколько слепков головы Циолковского. Посмотреть их приехал Сергей Павлович.

— Я бы посоветовал вам вот этот вариант,— заметил Королев.

— Вы воспользовались его советом?

— Да, именно портрет, отмеченный Сергеем Павловичем, использован при окончательном варианте памятника, что стоит у подножия обелиска. С мнением ученого нельзя было не согласиться: академик Королев лично знал Циолковского.

Можно привести множество примеров живого участия Сергея Павловича в нашей работе. Во время лепки горельефа мне необходимо было вылепить этюд Юрия Гагарина. Вы помните, наверное, что на одном из них Юрий Алексеевич изображен поднимающимся по металлической лестнице к кораблю. Портрет, естественно, я делал по фотографиям. Заполучить к себе в мастерскую Космонавта-1 мне долгое время не удавалось. Помог случай. На одном из приемов в Кремле встретил академика Королева и Гагарина. Поздоровались. Первый вопрос, который задал ученый, конечно, относился к тому, как идет сооружение обелиска. Не утерпел и пожаловался, что не могу встретиться с Гагариным.

Сергей Павлович посмотрел на Юрия Алексеевича, потом на меня, улыбнулся и сказал:

— Ну, это в наших силах.

Через несколько дней Юрий Гагарин приехал ко мне в мастерскую...

Расскажу еще о таком эпизоде. Вам уже известно, что я сделал несколько этюдов головы академика Королева. Мне казалось, что в них передал его характерные черты. На горельефе, о котором идет речь, изображена группа ученых. Так вот одного из них я сделал похожим на Сергея Павловича. Что потом было?! Приехал он, осмотрел, как всегда, все. Вижу, остановился против «самого себя». И, резко повернувшись к нам — в мастерской был один из инженеров,— раздраженно бросил: «Это еще что? Это зачем?»

Вижу, Сергей Павлович не на шутку рассердился, в глазах его буря. А нам и сказать-то ему в ответ нечего. Мы явно отступили от утвержденного эскиза. В общем, досталось нам за этот «эксперимент». Через несколько минут Сергей Павлович поостыл, но попросил нас тут же изменить облик ученого. Сожалею, что согласился с ним. Не надо было переделывать работу, а лишь несколько изменить портретное сходство. В конце этой встречи рискнул все-таки еще раз попросить Сергея Павловича разрешить вылепить его портрет в горельефе. Но он снова и самым категорическим образом отказал мне в этом. И тут же сказал:

— Вы думаете, что я один все делаю? Нас очень много. Вот когда будете создавать галерею портретов ученых, посвятивших себя освоению космического пространства, тогда я к вашим услугам

Однажды, не помню уже точно, в каком году, мы заговорили с Королевым о достижениях советской науки в изучении Вселенной. Я спросил его, удовлетворен ли он результатами своего труда.

«Своего? — И на мне снова остановился его колючий взгляд.— Нашего труда,— нажимая на слово «нашего», ответил ученый.— Каждый выполняет свой долг. Пусть каждый выполнит свой долг».

Мне кажется, этот небольшой штрих дополняет портрет замечательного ученого нашего времени.

А. АЛЕКСАНДРОВ

Фото автора.

ПРЕМЬЕРА

Каждому хочется как можно скорее увидеть «Войну и мир», снятую на киностудии «Мосфильм» режиссером С. Бондарчуком. Высоко оцененный в прошлом году специалистами мирового экрана, фильм получил Большой приз на IV Международном кинофестивале в Москве.

Как удалось воплотить в кинематографе гениальную эпопею Л. Толстого? Этот вопрос волновал всех.

И вот на суд широкого зрителя представлена первая серия киноэпопеи — «Андрей Болконский».

Каково же впечатление зрителей?

С таким вопросом мы обратились к персональному пенсионеру Захару Ивановичу Торхову. Он оказался участником революционных событий 1905 года и большим любителем кино в свои 80 лет.

— Помните ленинские слова о Толстом — какая глыба!.. Так вот, когда смотришь экранизацию этого сложнейшего, многопланового романа, чувствуешь, как глубоко был прав Владимир Ильич. Трудную задачу взял на себя режиссер: ведь нужно было достоверно воссоздать быт тех лет, нравы всех слоев общества. Поэтично, тонко воспроизведена природа.

Полковник авиации Валентин Андреевич Карлов отметил грандиозность съемок и мастерство операторов, но в батальных сценах хотел бы больше динамики, тогда не будет впечатления замедленности событий.

— Во время просмотра почувствовал, как тянет перечитать роман.

Капитану 1-го ранга Константину Ивановичу Сулоеву очень понравился старый князь Болконский в исполнении А. Кторова.

Стоящий рядом с ним сын в восторге от князя Андрея.

— Столько впечатлений от увиденного, нет слов! — вступает в разговор Вера Сергеевна Хангулова, редактор издательства «Мир».— Очень удачен Бондарчук — Пьер. Савельева — восхитительная Наташа. С нетерпением буду ждать следующих серий, где должно полнее раскрыться дарование актрисы.

У второклассника Саши Мельникова тоже свое мнение о картине:

— Как сражаются наши! Во дают!..

Г. СМЕТАНИНА, П. СИТАЛЕВ

Зрители обсуждают фильм.

Наташа — Л. Савельева.

Автограф космонавта № 1.
Фото В. Климова.

ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД
СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК
ВПЕРВЫЕ В МИРЕ
ШАГНУЛ В КОСМОС

Герой Советского Союза,
генерал-лейтенант авиации
Н. КАМАНИН

Человек проник в космос. Советский человек, летчик Военно-Воздушных Сил Юрий Гагарин в кабине космического корабля «Восток» 12 апреля 1961 года совершил первый в мире полет по орбите вокруг Земли.

В 10 часов 55 минут по московскому времени на левом берегу Волги, на пашнях колхоза «Ленинский путь», закончил первый в мире космический полет Юрий Гагарин. За 108 минут он совершил виток вокруг Земли, пролетев более сорока тысяч километров.

Все в этом выдающемся событии было символично: и то, что первым космонавтом стал гражданин СССР, и то, что космический корабль назывался «Восток», и даже то, что сам полет был совершен утром. Человечество назвало это событие утром космической эры.

В который раз листаю страницы своего дневника! Это было пять лет назад...

11 апреля

Сутки до старта.

Утром были на стартовой площадке. Шла проверка комплекса ракеты. Все нормально.

13.00. Встреча Ю. А. Гагарина на стартовой площадке с пусковым расчетом. Несколько десятков людей собрались, чтобы посмотреть и послушать первого космонавта. Получился не то разговор, не то митинг. Очень хорошая, теплая встреча.

Потом обед из «космических» блюд. Вместе с Юрием мы ели щавелевое пюре с мясом, паштет мясной и шоколадный соус. Сервировка стола тоже «космическая» — никаких тарелок, вилок, ложек и ножей. Все — из туб, каждая весом до 160 граммов.

Юрий чувствует себя превосходно. Доктор проверил состояние его организма: кровяное давление — 115/60, пульс — 64, температура — 36,6.

Вечером мы опять в домике космонавтов. Юрий снова в плену у врачей. Укрепили датчики для записи физиологических функций организма. Эта операция продолжалась час с лишним. Чтобы не скучать, включили магнитофон. Слушали русские народные песни. Гагарин их любит.

Сели уточнять распорядок завтрашнего дня, все расписали по минутам: физзарядка, туалет, завтрак, медицинский осмотр, облачение в скафандр, проверка его, выезд на старт.

Итак, завтра... Пора отправлять космонавтов спать. Я-то едва ли сегодня засну. А Гагарин кажется абсолютно спокойным. Наверное, просто вида не показывает, а у самого, должно быть, сердце замирает. Завел с ним разговор об этом.

— Знаете, Николай Петрович, я, видно, не совсем нормальный человек.

— Почему?

— Ну, ни капли не волнуюсь. Разве так можно?

— Это отлично, Юра! Рад за тебя. Желаю спокойной ночи.

12 апреля, среда

Чуть брезжит рассвет. Мы проснулись без десяти пять, в половине шестого надо поднимать Юру и Германа.

В 6.00 состоялось заседание комиссии. Оно было на этот раз очень коротким. Все доклады сводились к одной фразе: «Замечаний нет, все готово!»

После заседания я подписал полетное задание, затем проверил, как идет медосмотр космонавтов. Все шло точно по расписанию...

...Гагарин вышел из автобуса. Его окружили товарищи. Объятия.

как это было

Поцелуи. Кто-то даже заплакал. Не без труда освободили Юрия из плотного окружения. Подошли к лифту. Я крепко пожал Юре руку и как можно спокойнее сказал: «До встречи на земле. Часов через шесть».

...Что писать? Все уже позади. И выезд на старт, и волнения перед пуском, и лаконичная команда «Старт!», и сразу облетевшее весь космодром гагаринское «По...о...о...ехали», и, наконец, сообщение о благополучном приземлении космонавта — все это осталось позади. Мы летим сейчас к нему, к нашему космическому первопроходцу.

А что творилось полчаса назад! Кричали «ура!», плясали. Люди степенные, убеленные сединами. Это было в ту минуту, когда по рации приняли сообщение от Гагарина о благополучном приземлении.

Теперь все волнения позади. Было их немало! Не потому, что грызли нас сомнения. Нет. Уверенность в благополучном исходе полета полная. И все-таки... Например, в ходе полета нам надо было перейти в системе связи с одного пункта на другой. Когда одна станция заканчивала работу, мы переключались на другую. Происходит это быстро. Но несколько секунд кажутся вечностью. Скорее бы проходили эти мгновения молчания. Наконец-то! Опять мы слышим спокойный голос Гагарина.

Вечер закончили в трехэтажном домике на берегу Волги. Здесь были все те люди, что и на космодроме,— группа космонавтов и среди них тот, кто первым в мире проложил первую борозду на космической «целине».

Первый полет человека в космос дал для науки ценные сведения о том, как переносятся в полете перегрузки и необычное для людей состояние невесомости. Невесомость не мешает человеку в космическом полете работать и жить нормальной жизнью — такой вывод, имеющий огромное значение, был сделан в итоге первого полета советского космонавта.

...Теперь это уже история, давние дневниковые записи...

* * *

Сегодня мы отмечаем пятилетие освоения космоса человеком. С чувством законной гордости мы говорим о наших свершениях. На космических орбитах за пятилетие побывало шесть «Востоков» и два «Восхода». Ныне семья советских космонавтов состоит из одиннадцати человек. Имена Юрия Гагарина, Германа Титова, Андрияна Николаева, Павла Поповича, Валентины Николаевой-Терешковой, Валерия Быковского, Владимира Комарова, Константина Феоктистова, Бориса Егорова, Павла Беляева и Алексея Леонова известны всему миру. Да, это наш народ осуществил первый рейс человека в космос, затем суточный полет, далее многодневный, групповой, потом первый полет в многоместном космическом корабле — летающей лаборатории. Это советская женщина первой в мире удостоилась высокого звания летчика-космонавта. Это наш советский человек впервые в мире шагнул из кабины космического корабля в космос, открыв в прямом смысле дверь во Вселенную.

Вместе с человеком штурмуют тайны космоса его верные помощники — автоматические станции. За минувшие годы осуществлено довольно много запусков таких станций различного назначения. Достаточно сказать, что счет искусственным спутникам Земли из серии «Космос» пошел уже на вторую сотню. И полет каждого из них по-своему значителен и ценен для науки.

Напомним только об одном эксперименте. 16 марта этого года после завершения 330 витков вокруг Земли вернулся в заданный район искусственный спутник «Космос-110». На его борту, кроме научной аппаратуры, находились собаки Ветерок и Уголек. Свыше двадцати суток провели они во Вселенной. Этот успешно проведенный эксперимент имеет большое значение для будущих космических полетов.

Человека издавна привлекает ближайший спутник Земли — Луна. В минувшее пятилетие изучены многие загадочные явления Луны, сфотографирована ее невидимая с Земли сторона, получены достоверные сведения о структуре ее поверхности, температурном режиме и т. д. Триумфом в исследовании Луны явилась мягкая посадка на ее поверхность автоматической станции «Луна-9» с телеглазом, который сумел разглядеть лунный ландшафт и передать его фотографию на Землю.

И вот еще одна радостная победа: внимание всего человечества вновь приковано к Луне. Создан первый искусственный спутник Луны, и он наш, советский!

Это историческое событие совершилось в дни работы XXIII съезда партии. 4 апреля, на утреннем его заседании, было оглашено встреченное бурной овацией письмо съезду партии от ученых, конструкторов, инженеров и рабочих, принимавших участие в создании и запуске автоматической станции «Луна-10».

Третьего апреля 1966 года автоматическая станция «Луна-10» была выведена на селеноцентрическую (окололунную) орбиту и стала первым в мире искусственным спутником Луны. На борту первого искусственного спутника Луны установлены научные приборы для исследования окололунного космического пространства. Данные научных измерений с помощью телеметрической системы передаются на Землю.

Выполнено еще одно важное задание партии и правительства по освоению космоса. В своем приветствии ученым и конструкторам, инженерам, техникам, рабочим, всем коллективам и организациям, принимавшим участие в создании и запуске автоматической станции «Луна-10», президиум XXIII съезда КПСС пишет: «Советские люди гордятся тем, что эта станция создана в нашей стране талантом и трудом советских ученых, конструкторов, инженеров и рабочих, решивших сложнейшие научные и технические проблемы».

Талантом и разумом советских людей прокладываются новые и новые дороги во Вселенную. Мы уже завязали знакомство с одной из планет солнечной системы — Венерой. Наша межпланетная автоматическая станция передала, образно говоря, земной привет. На Венеру недавно доставлен наш советский вымпел.

Огромное значение в исследовании космического пространства имеют запуски маневрирующих аппаратов «Полет», которые успешно принимают сигналы с Земли и изменяют по воле человека траекторию своего полета. Важным экспериментом явился одновременный запуск двух спутников Земли «Электрон».

Много ценной для науки информации передали на Землю автоматические станции «Зонд». Люди планеты убедились, какую огромную услугу оказывают им искусственные спутники «Молния» как средство связи.

Наша космическая техника совершенна и надежна. Возрастают мощности советских ракетоносителей, увеличивается полезный вес станций, выводимых на орбиты. Так, мощность двигателей ракеты, которая вывела на орбиту автоматическую станцию «Протон», составила 60 миллионов лошадиных сил. Это позволило довести вес станции до 12,2 тонны.

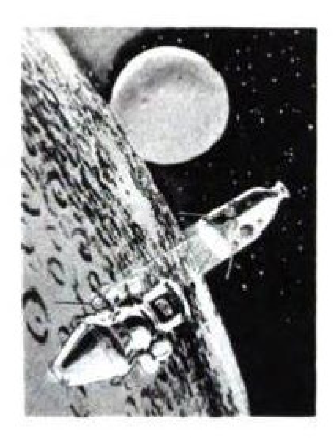
Шаг за шагом мы шли по намеченному наукой пути освоения космоса, опережая предсказания даже самых оптимистических зарубежных обозревателей. Наша советская экономика, промышленность в сочетании с дерзновенным полетом инженерной мысли ученых, конструкторов позволили воплотить фантазию в действительность. Таков почерк космической пятилетки, ее главнейший итог.

Мы знаем: достигнутое—это надежная основа, фундамент, опираясь на который советские люди пойдут к дальнейшим успехам в изучении космоса.

Успехи нашей Родины в освоении космоса общепризнанны. Они получили самую высокую оценку ученых, всего прогрессивного человечества. При этом надо иметь в виду, что каждый новый шаг в освоении космоса дается ценой больших усилий. Даже самая надежная техника и тщательно разработанная программа не исключают возможных случайностей и неожиданных ситуаций в ходе эксперимента. И тогда от космонавта требуется исключительное хладнокровие, выдержка и мастерство.

В минувшие годы за океаном, в США, были также предприняты значительные усилия по изучению космоса. Была завершена, хотя и не в полной мере, программа «Меркурий», сейчас осуществляется программа «Джеминай». Американские ученые и космонавты добились тут ряда важных достижений. Мы поздравили их с этими успехами.

Пятилетие освоения космоса человеком мы отмечаем в знаменательные дни, освященные решениями XXIII съезда нашей родной Коммунистической партии. Вся страна на вахте новой пятилетки созидания. Можно быть уверенными, что успехи наших людей на земле советские космонавты, ученые, конструкторы, рабочие дополнят новыми достижениями в покорении Вселенной.

Интервью «Огонька»

У ЛУНЫ — МАЛЕНЬКАЯ ЛУНА

В. СИФОРОВ,
член-корреспондент АН СССР

Участники партийного съезда сердечно приветствовали авторов «Луны-10» — советских ученых, конструкторов, инженеров, техников и рабочих, сделавших поистине космический подарок XXIII съезду КПСС. Совершен очень важный шаг в освоении Луны, я хочу сказать, очередной шаг, один из многих в цепи успехов советской космической науки.

Еще в 1959 году советская автоматическая станция «Луна-2» доставила вымпел на поверхность нашего естественного спутника, за ней последовала «Луна-3», которая передала на Землю фотографии обратной стороны Луны.

В том же 1959 году с помощью другой советской межпланетной станции было совершено важное открытие — установлено, что на Луне нет заметного магнитного поля и радиационных поясов. «Зонд-3», запущенный 18 июля 1965 года, продолжил и закончил дело, начатое «Луной-3»; с его помощью мы получили снимки еще «не охваченной» части лунной поверхности. Так исчезли последние «белые пятна» на карте Луны.

Луна как обороняющаяся крепость обложена со всех сторон. Участники приступа применяют самые разнообразные средства — все, чем располагает современная наука,— для того, чтобы раскрыть лунные тайны.

Крупнейшие оптические телескопы устремлены на Луну. С успехами радиолокационной техники ученые смогли послать радиоволны на Луну и получить их отражение. Крупнейшие радиотелескопы измерили собственное радиоизлучение Луны. Это позволило судить о температуре лунного вещества, находящегося под ее поверхностью; кстати говоря, оно оказалось весьма горячим: на глубине 50 километров — до 1000 ° Цельсия.

Очередным важнейшим этапом завоевания Луны была мягкая посадка советской автоматической станции «Луна-9» на ее поверхность, осуществленная 3 февраля 1966 года. «Луна-9» потрогала лунную почву, с помощью телевизионной головки зорко оглядела ландшафт нашего естественного спутника и даже смогла рассмотреть небольшие камешки. Впервые в истории человечества на другом небесном теле заработала исследовательская лаборатория.

И вот ровно через два месяца «Луна-10» и новый успех! 3 апреля 1966 года в 21 час 44 минуты по московскому времени впервые Луна обрела искусственного спутника, созданного руками советского человека.

Для того, чтобы запустить «Луну-10» на селеноцентрическую (окололунную) орбиту, нужно было преодолеть немало принципиальных трудностей.

Делегаты съезда читают экстренный выпуск «Правды», посвященный «Луне-10».

ВОСКРЕСНЫЕ МАРШРУТЫ ДЕЛЕГАТОВ

Сегодня заседаний съезда нет — воскресенье. У делегатов свободный день. Каждый мог располагать временем по своему усмотрению. С утра от гостиниц десятки автобусов направились в центр. Каждому хотелось еще и еще раз побывать на Красной площади, еще и еще раз посетить ленинский Мавзолей.

Съезд приветствует сообщение о новой победе советской науки и техники.

Сразу же после старта космической станции начались измерения
ектории ее движения, с помощью вычислительного центра эти дан-
былн обработаны. На космическую станцию посланы команды, и
на-10» покинула околоземную орбиту, направилась к нашему есте-
нному спутнику. Снова была измерена траектория, и тут оказалось,
автоматическая станция движется не совсем так, как нужно.
андный измерительный комплекс снова подготовил данные для
рекции ее движения. Станция приняла команды, запомнила их и
ю выполнила. Теперь надо было развернуть станцию так, чтобы
ю двигателя было направлено против движения, и в нужный мо-
г начать торможение.

Снова были произведены измерения и поданы команды. Примерно
тысяч километров от поверхности Луны автоматическая станция
сориентирована в нужную сторону, и в 21 час 44 минуты си-
а управления выдала сигнал: «Включить тормозные установки».
ервый же сеанс радиосвязи с автоматической станцией, только что
шей искусственным спутником, показал, что ее аппаратура рабо-
отлично. У Луны появилась своя маленькая луна!

связи с этим мне хочется особо рассказать о роли радиоэлект-
ки и электронной автоматики в успешном выведении «Луны-10» на
оцентрическую орбиту. Эта роль исключительно велика.

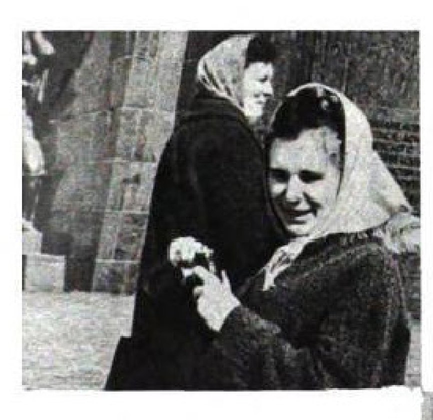
уже говорил, что сложнейшие математические расчеты траекто-
полета и коррекции ведутся с помощью быстродействующих элек-
ных математических машин.

«Начинка» автоматической станции — радиоаппаратура, телеметрическая система, программно-временные устройства, научная аппаратура для исследования Луны и окололунного пространства, система терморегулирования и т. д. — вот далеко не полный перечень «объектов» применения радиоэлектроники и электронной автоматики.

Например, когда на космическую станцию были переданы с Земли исходные данные для проведения коррекции, «Луна-10» действовала автоматически: система за системой последовательно включалась в общую работу, в результате скорость движения и его направление изменились на точно заданную величину.

Наш естественный спутник — идеальная площадка для науки. В будущем астрономические наблюдения планет и звезд с поверхности Луны дадут уникальные результаты. Для гигантских межпланетных кораблей Луна сможет стать удобным космодромом. Изучение Луны даст многое и для познания нашей Земли, ее истории, ее строения. С Луны, вероятно, метеорологи смогут наблюдать за атмосферными явлениями на нашей планете и на основе их составлять подробные карты погоды.

Но это будет тогда, когда Луна станет обжитой, близкой людям, когда на ней возникнут постоянные научные станции. Для освоения Луны нужно сделать еще очень многое, и новый успех советской науки приближает время высадки человека на ее поверхность.

набережной Москвы-реки
третили трех подруг —
ток коммунистов Донбас-
Марию Михайлову, почет-
троителя УССР, Ларису
ву, сварщицу из Донецко-
остроительного комбина-
Ольгу Митину, разметчи-
Новокраматорского маши-
ительного завода,— и
или разрешения сопро-
вождать их во время прогулки по городу.

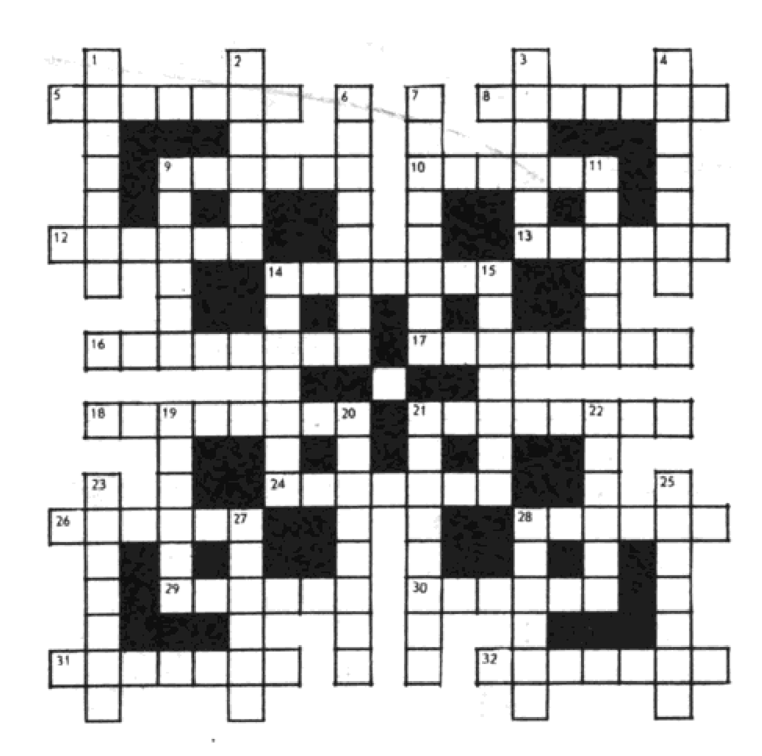
...Многолюдно у обелиска покорителям космоса. Тут и делегаты съезда — сибиряки, дальневосточники — и гости. Неутомимо щелкает затвором фотоаппарата киевлянка Алина Евгеньевна Любинецкая, работница завода «Точэлектроприбор»: «На память о Москве...»

Потом мы отправились в центральный бассейн «Москва». Ларисе Наумовой хотелось посмотреть, как купаются москвичи в любое время года под открытым небом. И она получила обстоятельную консультацию от двух, несомненно, будущих чемпионов.

Неизвестно, кто из трех наших спутниц выбрал новый маршрут путешествия по Москве. Но так или иначе мы оказались во Дворце бракосочетаний. Делегатки съезда тепло поздравили новобрачных Арчаговых — закройщицу Светлану и инженера Анатолия.

Затем подруги вернулись в гостиницу: нужно было успеть пообедать. А вечером — во Дворец спорта, на выступление прославленных советских спортсменов.

О. КНОРРИНГ,
Ю. КРИВОНОСОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Пушной зверек. 8. Бытовой электроприбор. 9. Нефтеналивное судно. 10. Привилегия. 12. Размер страницы, листа бумаги. 13. Декоративное растение. 14. Машинный агрегат. 16. Древнегреческий философ. 17. Государство в Азии. 18. Советская лыжница, чемпионка мира. 21. Отбор. 24. Итальянский композитор. 26. Спутник Марса. 28. Режущий инструмент. 29. Река в Италии. 30. Спортивное оружие. 31. Певец, народный артист СССР. 32. Континент.

По вертикали:

1. Соцветие кукурузы. 2. Духовой инструмент. 3. Приток Вычегды. 4. Химический элемент. 6. Сорт груш. 7. Телеграфный аппарат. 8. Разновидность гонга. 11. Минерал. 14. Столица Венесуэлы. 15. Автор оперы «Виндзорские проказницы». 19. Курорт в Карпатах. 20. Датский писатель. 21. Литературное произведение, по которому ставится фильм. 22. Малая планета. 23. Озеро на Валдайской возвышенности. 25. Советский авиаконструктор. 27. Вязаная фуфайка. 28. Порт в дельте Рейна.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

5. Лаборатория. 6. «Цирк». 8. Анод. 11. Асуан. 14. Конопля. 15. Педагог. 18. Рефрактор. 19. Цедра. 20. «Паяцы». 21. Сенбернар. 23. Пифагор. 24. Планета. 25. Старт. 27. Доде. 28. Аист. 29. Хореография.

По вертикали:

1. Оборка. 2. Пропан. 3. Капилляр. 4. Пирометр. 7. Мурзавецкая. 9. Коллекция. 10. Контрабас. 12. Мардакяны. 13. Доницетти. 16. Афины. 17. Стенд. 21. Скоморох. 22. Рыльский. 25. Северн. 26. «Талант».

На первой странице обложки: Юные ленинцы приветствовали XXIII съезд КПСС. Была среди них и Айне Векназарова, школьница из Ашхабада.

Фото Дм. Бальтерманца.

На второй и четвертой страницах обложки: Рисунки А. Соколова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10576. Подписано к печати 8/IV 1966 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0. Тираж 2 000 000. Изд. № 575. Заказ № 914.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ДВА ШЕДЕВРА

ШАХМАТЫ
под редакцией международного гроссмейстера С. ФЛОРА.

11 апреля гроссмейстеры Тигран Петросян и Борис Спасский сядут друг против друга за шахматный столик на сцене Московского театра эстрады. Главный арбитр международный гроссмейстер Альберик О'Келли включит часы, и любители шахмат станут свидетелями первой партии поединка, которому суждено стать в истории шахмат двадцать пятым матчем на первенство мира.

Тигран Петросян на восемь лет старше своего соперника, но в турнирах и матчах они начали выступать почти одновременно: дарование Бориса Спасского проявилось очень рано. За двадцать лет выступлений нынешние соперники в борьбе за шахматную корону сыграли не одну сотню партий. Многие из них получили широкую известность, были отмечены призами за красоту.

Какие же партии запомнились Тиграну Петросяну и Борису Спасскому больше других? Какие они считают своими лучшими творческими достижениями?

— Если иметь в виду партии, сыгранные мною в последние годы, то можно, пожалуй, назвать пятую партию матча с Ботвинником,— говорит Тигран Петросян.— Серия дебютных разменов, осуществленная черными в этой партии (ими играл Ботвинник), сулила ему на первый взгляд быструю ничью. Тем не менее в трудном эндшпиле мне удалось ослабить пешечную цепь черных на ферзевом фланге и совместными действиями короля, ладьи и коня добиться победы. Пятая партия не только позволила мне сквитать счет, я проигрывал тогда одно очко, но и помогла обрести веру в действенность своей матчевой тактики.

Мы предлагаем любителям шахмат посмотреть эту партию чемпиона мира. Игру его комментирует международный гроссмейстер Гидеон Штальберг.

ЗАЩИТА ГРЮНФЕЛЬДА

Т. ПЕТРОСЯН — М. БОТВИННИК

Пятая партия матча
Москва, 1963

1. c4 g6 2. d4 Kf6 3. Kc3 d5 4. Kf3 Cg7 5. e3 0—0 6. Ce2 dc 7. С:c4 c5 8. d5 e6 9. de Ф:d1 + 10. Кр:d1 С:e6 11. С:e6 fe 12. Kpe2 Kc6 13. Лad1 Лd8.

Предлагаемый черными размен ладей выгоден только белым, которые тотчас используют слабость пешки e6. Лучше было играть сначала 13... Kpf7, немедленно переводя короля по примеру его коллеги в центр. Петросян превосходно использует упущение противника и бронирует для своего коня неприступную позицию.

14. Л:d8 Л:d8 15. Kg5! Лe8 16. Kge4 К:e4 17. К:e4 b6 18. Лb1 Kb4 19. Cd2 Kd5 20. a4!

Сильный ход, препятствующий активным действиям пешечного большинства черных на ферзевом фланге.

20... Лc8. 21. b3 Cf8 22. Лc1 Ce7 23. b4! c4?

Решающая ошибка! Пешка c4 теряется без всякой компенсации. После 23... Лc7 или 23... Kpf7 черные могли бы упорно защищаться. Конечно, и тогда после 24. bc белые сохранили бы преимущество.

24. b5 Kpf7 25. Cc3 Ca3 26. Лc2 К:c3 + 27. Л:c3 Cb4 28. Лc2 Kpe7 29. Kd2 c3 30. Ke4 Ca5 31. Kpd3 Лd8 + 32. Kpc4 Лd1 33. К:c3 Лh1 34. Ke4!

Очень тонкий ход! Петросян отдает лишнюю пешку, но активизирует все свои фигуры.

34... Л:h2 35. Kpd4 Kpd7 36. g3 Cb4 37. Kpe5 Лh5+ 38. Kpf6 Ce7+ 39. Kpg7 e5 40. Лc6! Лh1 41. Kpf7!

Белые фигуры окружают беззащитного черного короля.

41... Лa1 42. Лe6 Cd8 43. Лd6+ Kpc8 44. Kpe8! Cc7 45. Лc6 Лd1 46. Kg5 Лd8 + 47. Kpf7 Лd7+ 48. Kpg8. Черные сдались.

А какую партию считает своим лучшим творческим достижением Борис Спасский? Когда мы попросили его назвать эту партию, гроссмейстер сказал:

— Я сам не раз думал над подобным вопросом. И, поймите меня правильно, пришел к выводу: я не сыграл еще свою лучшую партию. Эта мысль всякий раз вдохновляет меня, когда я сажусь за шахматный столик

— Может быть, тогда вы скажете, какая партия вам больше всего запомнилась?

— Возможно, это покажется на первый взгляд несколько странным, но творческие и спортивные результаты подчас трудно совместить. Чтобы получить, например, право встретиться в матче с Тиграном Петросяном, мне пришлось сыграть в семи турнирах и матчах 99 партий!

Естественно, что главным для меня были спортивные итоги. Вот почему я иной раз делал ходы не самые лучшие, но оптимально достаточные. Разыгрывал дебюты малоинтересные, но хорошо мне знакомые. Проводил комбинации не блестящие, но выигрывавшие. «Выжимал» эндшпили, казавшиеся внешне малоэстетичными, но от которых зависела моя судьба.

Все же мне удалось сыграть в последние три года несколько интересных партий. Наиболее удачной я считаю партию с Ефимом Геллером, сыгранную на зональном «турнире семи» в Москве.

— Вы комментировали эту партию в шахматной печати?

— Нет, я не комментирую свои выигранные партии. Больше стараюсь анализировать партии проигранные, ибо, как говорится, на ошибках учатся.

...Партию Бориса Спасского, которую он считает своим наиболее интересным творческим достижением за последние годы, мы попросили прокомментировать экс-чемпиона мира Михаила Таля.

— Я хорошо помню эту партию,— сказал экс-чемпион, расставляя на шахматной доске фигуры.— Глубокий стратегический план Спасского, увенчанный тонкой комбинацией, произвел на меня, да и не только на меня, очень сильное впечатление.

ИСПАНСКАЯ ПАРТИЯ

Е. ГЕЛЛЕР — Б. СПАССКИЙ

Зональный турнир ФИДЕ
Москва, 1964

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cb5 a6 4. Ca4 d6 5. 0—0 Cg4 6. h3 Ch5 7. c3 Kf6 8. d4 b5 9. Cb3 Ce7 10. Ce3 0—0 11. Kbd2 d5 12. g4 Cg6 13. de.

Анализ после партии показал, что здесь Геллер мог получить заметное позиционное преимущество, сыграв 13. К:e5, но достаточно было ему упустить эту возможность, как Спасский безукоризненно использовал его неточность.

13... К:e4 14. Kb1.

Этот ход выглядит очень сильным: белые напали на центральную пешку — форпост позиции черных. Спасский, однако, блестяще доказывает, что в позициях открытого типа ходить назад по меньшей мере не рекомендуется.

14... Фc8! 15. Kd4 К:e5 16. f4 c5! 17. fe cd 18. cd Фd7 19. Kd2 f6 20. Лc1 Kph8 21. Cf4 fe 22. С:e5 Cg5! 23. Лc7.

Сея ветер, пожнешь бурю! Эффектно жертвуя ферзя, черные переходят в атаку на королевском фланге. Наступает момент решающих тактических ударов.

23... Ф:c7! 24. С:c7 Ce3 + 25. Kpg2 К:d2 26. Л:f8 + Л:f8 27. С:d5 Лf2 + 28. Kpg3 Kf1 + 29. Kph4 h6 30. Cd8 Лf8. Белые сдались.

Юрий ЗАРУБИН,
международный арбитр.
Юрий КАРЖАВИН

ВЕСНА В ПОДМОСКОВЬЕ

Художника Петра Яковлевича Караченцова давно знают читатели «Огонька» как превосходного графика и иллюстратора. С офортами он выступает в журнале первый раз.

Его офорты вводят нас в прекрасный мир русской природы. Надо обладать пытливым глазом наблюдателя, тонко чувствовать красоту родной земли, чтобы так передать свою зачарованность сказочной прелестью леса. Красавец лось, вышедший на поляну, вот-вот стремглав умчится в чащу, ломая кустарник своим могучим телом; ветлы стоят еще обнаженные, но уже птицы начали вить гнезда, и скоро тут закипит жизнь; глухарь сел на ветвь сосны и чутко вслушивается — не угрожает ли ему опасность...

Все это милые картины нашего дальнего Подмосковья.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663